

Публикуются на сайте с разрешения правообладателя.
«[Люби Россию в непогоду](#)» (2006) Публицистика (М., Вагриус, 2006)

Борис Васильев

ПОНЕДЕЛЬНИК ОБИТАНИЯ.

Понедельник - с его мучительным похмельем, тошнотой, головной болью, раздражительностью, тоской по глотку хмельного и острой жаждой ничего не делать...

Понедельник обитания - это у нас, в России, сегодня. Все цивилизованные страны существуют в среде обитания, обусловленной не столько географией, сколько собственной историей. У нас, естественно, есть и своя география, и своя история, но суть не в их отличии от Европы. Суть в том, что векторы как истории, так и географии у нас и Европы оказались диаметрально противоположными.

Но сначала - **НАВЕДЕНИЕ НА ЦЕЛЬ.**

Все великие державы - живые организмы. Каждой свойственно рождение, детство, юность, зрелость, старение и - гибель. Психологическое состояние народа, при котором возникает утрата смысла существования, социальная апатия, историческая амнезия, потеря ощущения своего собственного отечества. Из его памяти исчезает представление о собственной истории, и остается одна география. Место обитания, земля, именуемая родиной. И если эта, моя земля, остается, то не все ли равно, как она сегодня называется? И галлы становятся французами, бритты - англичанами, а славяне Пелопоннеса начинают именовать себя греками, забыв о собственном языке.

Все древние державы проходили эти ступени по законам живых существ, а отнюдь не по параграфам классовой борьбы, пока не превращались в пыль. В страницы истории скучного школьного учебника, толкующего о фактах и датах, и угрюмо молчащего о страстях. А ведь именно страсти в конечном итоге приводили все державы к гибели, постепенно, исподволь меняя характер титульного населения. Потом изношенная оболочка отмирала порою от ударов извне, порою - от перегрева внутренних неосуществленных желаний, а

население оставалось, продолжая существовать уже с иным характером, а зачастую и с другим именем. Жители современной Греции не являются потомками древних греков точно так же, как итальянцы - древних римлян, французы - древних галлов или египтяне - строителей пирамид. В отличие от Великих держав народы бессмертны, однако им суждено наследовать только среду обитания. Или - наш понедельник, если исторические коллизии вкупе с географией подготовили им именно эту нелегкую судьбу.

Ну, а все же, по какой конкретной причине гибнут царства и государства? А гибнут они по той простой причине, что население этих стран вдруг теряет всякое желание умирать во спасение именно этого государства, царства, державы и т.п., довольствуясь тем, что ему гарантируют землю в новом государственном образовании. Исчезает "патриотизм", как сказали бы мы сегодня, хотя само это определение деятельной любви к родине сравнительно недавнего происхождения. Оно возникло во времена Великой Французской революции, до краев заполнившей Девятым валом неистовства опустошенные души санкюлотов, возродив давно позабытое веселое пренебрежение к смерти во имя спасения Франции. Это же неистовство вело к победам босоногого воинства большевиков, которым противостояли профессиональные армии Белого Движения на первом этапе гражданской войны. Именно это чувство, эту страсть, предопределяющую пренебрежение к смерти ради достижения общенациональной цели Гегель называл духом народа, а Л.Н. Гумилев - пассионарностью. То есть, не столько избытком энергии, сколько избытком воли.

Обратите внимание на термин Гегеля: Дух народа, а не духовность. То есть, не пассивное ожидание прозрения общества, не стояние на коленях или строгое исполнение обрядности, а борьба со Злом с мечом в руке.

Ныне это великое понятие затрепано, замусолено и затаскано бесстрастными, не обладающими хотя бы крупными харизмами коммунистическими вождями в Государственной Думе. Когда я слышу это слово из их уст, у меня возникает ощущение, будто я до блеска вылизал латунную солдатскую пряжку. Неужели не ясно, что любовь доказывается только делами, только поступками и решительно ничем иным? Если все же неясно, спросите об этом у собственных жен. У любви просто нет иного доказательства, если, конечно, речь идет не о блинах с икоркой.

Толкуют о любви к Родине, а не о блинах. Однако любовь к месту своего рождения имеет две стороны: географическую и историческую, то есть, материальную и духовную. Либо ты любишь свою землю, как таковую, именуя ее Родиной, либо ты не можешь представить себе собственного существования без ее истории, традиций, обычаев, языка, привычной системы общения, узнаваемости ее морозов, песен, застолий, рюмки водки, наконец, под квашеную капустку после доброй бани с друзьями. Это - твое Отечество, память об отцах и дедах, которую ты носишь в душе своей всю жизнь до последнего вздоха. С нею ты можешь жить хоть на Марсе, потому что Отчизна твоя умещается в сердце твоём.

"Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам..."

Таковы две ипостаси патриотизма. И если первая, имеющая в своей основе фактор вполне материальный, природный, средство гарантированного добывания пищи, собственность, как таковая, есть, по сути своей, тот же инстинкт, который заставляет хищника охранять свои охотничьи угодья, то вторая ипостась патриотизма предполагает историческую и эмоциональную память, что делает ее явлением высокого культурного порядка. Именно этот культурно-исторический фактор сыграл огромную роль в Чеченской войне, превратив ее для всей Чечни в войну Отечественную, поскольку каждый чеченец поименно помнит предков своих до двенадцатого колена, тогда как мы, русские, не только не обладаем исторической памятью, но тогда просто не понимали, за что нам приходится умирать на этой странной войне.

Эти две формы русского патриотизма, как в зеркале, отражают две культуры России, которым Октябрьский переворот 17-го года не дал возможности слиться в одну, в единый материк общенациональной культуры. Первая официально именуется христианско-деревенской, вторая - дворянско-городской: кровавая схватка меж ними за господство и есть гражданская война. Все, известные нам гражданские войны есть столкновение двух различных культур одного народа, потому-то они и называются гражданскими.

Но вернемся к двум параллельным культурам России: христианско-деревенской и - дворянско-городской. Их различие заключалось не только в уровне образованности, но и в степени эмоционального развития, существенно большего у горожан, чему способствовала сама культурная среда: театры, библиотеки,

концертные залы, музеи, исторические места, ухоженные кладбища зачастую с весьма известными могилами, музыкальные салоны, клубы, благотворительные общества, балы, званые вечера и т.д. и т.п. Этого культурно-просветительного набора деревня, естественно, не имела, чем, кстати, объясняется трудное восприятие истории крестьянскими детьми. В деревнях не было ни исторической памяти, ни исторических памятников, тогда как каждый житель даже скромного Углича мог показать, где именно зарезали несчастного царевича Димитрия: я уж не говорю о новгородцах, псковичах или смолянах. Тысячелетняя история России разлита по ее городам, но отнюдь не по весям, почему вся культурная база в деревне сосредотачивалась в церкви.

Надо сказать, что церковь осознавала свою просветительскую роль и весьма преуспела в этом направлении. Храмы на Руси вплоть до казарменного решения Николая Первого строились только по индивидуальным проектам, привязываясь как к местности, так и к материалу, и каждое культовое здание было произведением архитектуры. Оно служило жителям окрестных деревень первым и единственным приобщением к настоящему искусству, тем более, что внутри практически любой церкви их ожидало пышное театральное действо, прекрасное пение, удивительная живопись, тщательно продуманный интерьер, отработанная столетиями, по сути, балетная пластика и необычная, распевная речь священника на чарующе непонятном языке. И это послужило основной причиной, почему по воскресеньям и церковным датам прихожане ходили в церковь только в самой парадной одежде. Души их были подготовлены к празднеству необыкновенной красотой антуража, и молитва священнослужителя падала на благодатную, уже вспаханную почву.

Совершенно по иному церковь воспринималась в городе. Во-первых, церквей в городах было более, чем достаточно, почему они и не воспринимались горожанами, как "храмы искусства". Во-вторых, если крестьянский труд был консервативно-однообразным - сын пахал точно так же, как дед и отец - то труд горожанина зависел от потребностей города, почему и не мог законсервироваться раз и навсегда. Это делало жителей городов более активными, более приспособленными к изменяющейся житейской обстановке и - более циничными, нежели жителей деревенских.

Для большинства из горожан - особенно с конца девятнадцатого столетия - посещение церкви превратилось в привычную семейную

традицию, которую традиционно и не нарушали. А дворянство в массе своей вообще не было религиозным, поскольку обладало знаниями, нравственность приобретало в семье и посещало церковь далеко не всегда, а, как правило, лишь по мере собственной традиционной надобности: крещения, свадьбы, отпевания и - говение, так как без церковной справки о прохождении этого обряда не выдавался заграничный паспорт. Дворянско-городская культура рассматривала религию, как традиционный институт общей культуры, тогда как село видело в ней средоточие духовной красоты, христианской морали, семейных устоев и, увы, первых (и чаще всего - последних) университетов в своей жизни.

Итак, попробуем сделать вывод. Христианско-деревенскую культуру организовывали и доводили до сельского населения религии всех конфессий. Дворянско-городскую - сам город как таковой, хорошее воспитание и вполне достойное образование, основой которого в России всегда были история и литература.

Иначе обстояли дела в среде многочисленных носителей деревенской культуры. Русский мужик, вопреки предсказанию Некрасова, ни Белинского, ни Гоголя с базара не понес. Он довольствовался расхожими иллюстрированными книжонками, которые продавали офени с лотков вместе с бусами, крестиками, леденцами, платочками и тому подобным набором. Книжонки вполне соответствовали ассортименту офень, но даже их покупали не очень-то бойко, поскольку и денег-то у крестьян никогда не было, а практическая жилка, воспитанная тысячелетним опытом выживания в условиях постоянного рабства и перманентных голодовок, не усматривала в книжках повода для траты считанных копеек. Деревня с большим удовольствием читала Псалтирь да "Жития святых", причем, по словам Горького, старательно выискивала в "Житиях" рассказы о святых мучениках. Подробности этих святых мучений почему-то особенно привлекали крестьянское внимание, что специально подчеркивал Алексей Максимович в статье "О жестокости русского народа". И это наблюдение великого писателя нам следует запомнить, потому что мы еще вернемся к этому психологическому феномену.

Иными словами, в России перед ее революционными потрясениями существовало как бы два народа, говоривших на схожем языке, придерживавшихся сходной морали, но обладающих при этом разными ценностями и различным представлением о собственном государстве.

Для крестьянства это было некое огромное поместье, которым управлял барин от Бога, поскольку в обряд коронации государя входило и миропомазание. Ниже этого Божьего представителя располагались управляющие и бурмистры, с которыми крестьянину и приходилось сталкиваться в практической жизни. Это были "господа", обладавшие пожалованным царем правом распоряжаться его хозяйством, однако с ними можно было и не всегда соглашаться, а порою и спорить.

Для дворянства верховная власть была абсолютно законной, освященной историческими традициями и династически преемственной. Государь считался Первым дворянином России, почему дворянство допускало возможность иногда с ним не соглашаться, но лишь по вполне конкретным поводам. Дворянская фронда существовала всегда, и бунт на Сенатской площади в декабре 1825 года был крайним ее проявлением. При этом следует иметь в виду, что в России офицерство присягало не правительству и уж тем паче не народу, а - Государю Императору, и декабристы действовали в рамках своего представления об офицерской чести, поскольку прежний государь Александр Первый уже скончался, а новому, Николаю Первому, присягу они давать отказывались.

Характерно, что государь тоже считал себя представителем дворянства, хотя и Первым, почему никогда не отказывал дворянам в просьбе о личной аудиенции, если повод казался ему весьма серьезным. Так мать В.И. Ленина Мария Александровна Ульянова получила аудиенцию без проволочек, поскольку была дворянкой, и речь шла о жизни ее старшего сына Александра, обвиненного в причастности к террористической организации, ставившей своей целью покушение на царя Александра Третьего. Вот этот самый Александр Третий и принял мать террориста по первой же ее просьбе. Государи России - во всяком случае, в прошлом столетии - старались выполнять неписанные законы дворянского сословия весьма строго.

А ведь так сложилось сравнительно недавно, всего лишь за сто лет, с конца Восемнадцатого столетия. Еще в восемнадцатом веке представители знатнейших княжеских и боярских родов, даже Рюриковичи и Гедиминовичи, униженно писали в челобитных на имя Государя: "Холоп твой князишко Шуйский челом бьет..." Так повелось еще с ханских времен, ибо система взаимоотношений меж ханом и дворянством в Золотой Орде была принципиально отличной от такой же системы, сложившейся на Руси. Ханская система оказалась

заманчиво простой: хан, он и есть - Хан для ВСЕХ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ. Эта система была чрезвычайно соблазнительной для Великих Московских князей, с огромным трудом и напряжением всех сил отбивавшихся от своих же родственников-сепаратистов: достаточно вспомнить восстание Шемяки. Поэтому при первой же возможности и с благословения Золотоордынских ханов, которым удобнее было иметь дело с одним Великим князем, а не с дюжиной претендентов, эта АЗИАТСКАЯ система управления и была введена на Руси. И окончательно закрепилась при Иване Васильевиче Грозном, террор которого свел на нет все мечты удельных князей на самостоятельное правление.

Так продолжалось и при Петре Великом, и при его преемниках. Князьям рубили головы, бояр вздергивали на дыбу, дворян секли нещадно и прилюдно, а все имущество проштрафившихся отписывалось в царскую казну. Привилегии дворянства были сведены к минимуму, ограничившись в результате лишь более или менее прочным экономическим положением, да и само это положение зависело только от очередных капризов Государя, ибо не существовало никаких законов, гарантировавших дворянству если не жизнь, то хотя бы имущество. Это было пережитком не просто средневекового, но азиатского варварства, почему европейски просвещенная Екатерина Великая, обязанная своему величию поддержке дворянства, и решила положить конец такому произволу власти.

В 1785 году Екатериной Второй была подписана "Жалованная грамота", которая возводила ряд дворянских привилегий в ранг государственного закона. Дворянина можно было привлечь к суду только за уголовное преступление, его нельзя было физически наказывать (пытать, избивать и т.п.), его имущество не подвергалось изъятию в пользу казны и так далее. Но самым главным в этой грамоте было подтверждение, что все дворяне имеют равные права перед законом, а Государь есть тот же дворянин, но только - Первый среди равных. Именно это последнее обстоятельство и породило Золотой век России, а заодно и некое социальное явление, оказавшееся уникальным, единственным в мире, но, увы, уничтоженным Советской властью на корню, оставив после себя лишь свое наименование: РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ.

Ныне под этим названием понимается некая прослойка, как определила Советская власть, роль которой заключается в интеллектуальной общегосударственной деятельности. Сюда относят

ученых и писателей, учителей и врачей, юристов и журналистов, а при советской власти стали к ней же причислять и артистов, хотя Россия всегда считала их богемой. Все это запутало и затемнило само это понятие (говорю так потому, что имел честь своим докладом открывать Конгресс интеллигенции 1997 года), вследствие чего позволю себе некоторые соображения.

1. Русская интеллигенция была в основе своей интеллигенцией дворянской. Примыкавшие к ней и в определенной мере развившие ее положения (к несчастью для России вплоть до террора) разночинцы исповедывали тот же дворянский менталитет, принадлежали к той же дворянской культуре, несмотря на то, что дворянами не являлись.

2. Русская дворянская интеллигенция всегда занимала умеренно критическую позицию по отношению к власти. Это она настояла на досрочном освобождении от каторжных работ декабристов ("Во глубине сибирских руд..."), с симпатией относясь не столько к декабрьскому путчу, - она всегда была против любых попыток спровоцировать русский бунт, ей принадлежит его определение как "бессмысленного и беспощадного", - сколько к самому факту пробуждения в российском офицерстве предчувствия неминуемого тупика, в который катилась Россия, не решаясь отменить крепостное право. Это под ее непосредственным влиянием родилась великая русская литература, целенаправленно подготавливая общество к мысли о всеобщем равенстве людей перед законом и государем. Это на ее мнение опирался Александр Второй в своих реформах вплоть до решения ввести Конституционную монархию. Это под ее нажимом было сформировано общественное мнение в России, в результате чего Русско-Турецкая война превратилась в освободительную войну против турецкого владычества в славянских странах. У нее - множество заслуг перед Россией, но примыкавшие к ней разночинцы, пришедшие в конце концов к тактике террора, скомпрометировали всю русскую интеллигенцию в глазах последующих поколений.

3. Наконец, ее особый статус - дворянская! - предоставлял ей полную политическую свободу, а прочное экономическое положение - поместья, родственники, личные капиталы - делали ее неуязвимой со всех сторон.

Отсюда попытаемся сделать вывод. Русской интеллигенцией позволительно именовать круг широко и всесторонне образованных людей, ставивших своей стратегической целью последовательную

деятельность по обеспечению максимального политического и экономического благоденствия Отечества при полной личной политической и экономической неуязвимости. Нельзя быть русским интеллигентом, получая зарплату от государства, тем более учитывая при этом, что русская интеллигенция ставила перед собою задачи стратегические, но отнюдь не тактические. Стратегические, то есть, интересы Отечества, а не тактические, то есть, интересы власти или какой-либо политической партии или группы. Тактикой стали заниматься примкнувшие к ней разночинцы, и мы знаем, к чему это нас привело. Тут следует поискать какое-то иное определение для этой, существенно важной для государства межклассовой прослойки.

Но однако вернемся к нашему повествованию.

Существование двух мощных социальных сообществ с разной культурой в едином государстве, тесно связанных друг с другом тысячелетней историей, не могло не породить некоего смешанного социума, оседавшего, как правило, на окраинах городов. Это был своеобразный подкласс городских обывателей, в подавляющем большинстве выходцев из крестьян, а потому обладавших, с одной стороны, культурой деревенско-христианской, а с другой, и дворянско-городской, поскольку как род их занятий, так и само место обитания не могли не наложить своего отпечатка на их поведение, пристрастия, вкусы и привычки. Беда заключалась в том, что порвав связи с деревней, они растеряли и нравственные основы христианско-деревенской культуры, но не смогли приобрести и дворянско-городскую культуру ни в достаточном объеме, ни в нравственном ее содержании. Обыватели оказались социальной группой, потерявшей одну культуру и так и не приобретшей другой.

Городские обыватели обладали статусом мещан, как правило, были людьми грамотными, в средние века верстались в стрельцы, позже занимались торговлей, огородничеством, извозом, ремесленничеством - всем тем, в чем нуждался город. Их вкусы и привычки соответствовали той странной культурной смеси, которую они приобрели в городе, оборвав деревенские корни и не вырастив городских плодов, вследствие чего они прочно вошли в русскую литературу, а имена их героев в ряде случаев стали нарицательными. В конце прошлого века мещанство послужило основой рабочего класса крупнейших промышленных городов, оставшись по сути все тем же мещанством. Эта огромная по численности часть городского населения России в конце концов и стала доминирующей в России

Советской, но об этом - разговор впереди. А пока лишь отметим, что мещанская обывательская среда породила как агрессивный антисемитизм (так называемые "охотнорядцы"), так и преувеличенно крикливое представление о патриотизме. Это ведь мещанство орало в начале столь несчастной для России Русско-Японской войны на всех манифестациях и шествиях: "Да мы их шапками закидаем!..", перемежая эти выкрики пением "Боже, царя храни." Может быть, история и впрямь развивается по спирали, поскольку как ура - патриотизм, так и пещерный антисемитизм возродились в наши дни именно на Охотном ряду.

Но сначала несколько слов о еще одном весьма красноречивом и весьма знаменательном парадоксе.

Возможно ли утратить Родину, землю предков своих, "родное пепелище", как говорил Пушкин, сохранив при этом и национальную самобытность, и религию в лишенной Родины и обреченном скитаться по миру народе? Да, этот парадокс вполне возможен, и история предоставляет нам ярчайший пример этого явления.

Две тысячи лет назад евреи были насильственно изгнаны со своей родины, с земли предков своих. Две тысячи лет, гонимые, презираемые и унижаемые, они скитались по свету, ни на иоту не утратив при этом чудовищном, растянутом на века геноциде, ни своего национального своеобразия, ни религии. Евреям запрещалось избирать места своего обитания по собственной воле, а проживать только в специально созданных для этого гетто, которые сострясались время от времени кровавыми погромами, но они - выжили. Им запрещалось получать образование, но среди них не было ни одного неграмотного. Запрещалось заниматься целым списком профессий, но они нашли свою нишу в фармацевтике, медицине, музыкальном исполнительском мастерстве, наконец, в ростовщичестве, шесть веков назад послужившем базой для создания банковского капитала. Ни о какой нормальной конкуренции, конечно же, не могло быть и речи - уж слишком неравными были как условия, так и силы - но они восполняли это высоким качеством работы. Естественно, что в чудовищной системе почти двухтысячелетнего геноцида, могли выжить только самые деятельные и самые энергичные. Этот беспощадный, буквально по Дарвину, отбор в конечном итоге привел к тому, что к концу прошлого столетия евреи оказались едва ли не самой пассионарной нацией на земле.

Любопытно, что великие реформы Александра Второго в значительной мере породили и социальный антисемитизм, выведя его из-за бытовых кулис на авансцену русской истории. Это явилось следствием реформы образования, по которой евреям дозволялось его получать, правда, иногда - по решению местных властей - с непременным приобретением личной парты в гимназии, реальном или коммерческом училищах. Сыновья евреев богатого и среднего классов тут же воспользовались этой возможностью, в большинстве случаев оказываясь в числе первых учеников. Правительство России, существовавшее по дворянскому менталитету, то есть, подчеркнуто интернациональному в сути своей, никогда не обращавшее никакого внимания на национальность, но ценившее ум и способности, тут же начало привлекать образованных евреев в чиновничий аппарат и даже в офицерский корпус (в последний, правда, при условии принятия православия), и имена многих евреев вскоре стали широко известны всему русскому обществу.

Именно в это время появляется и широко известная фальшивка "Протоколы сионских мудрецов", реанимированная в наши дни современными антисемитами. Тогда же оживилось, начав расти и крепнуть, и славянофильство во всех своих проявлениях. Его основные черты исчерпывающе определил В.С. Соловьев в письме Стасюлевичу: "На мой взгляд, старое славянофильство было смещением нескольких разнородных элементов, и главным образом, трех: византизма, либерализма и брюшного патриотизма.

В нынешнем квази-славянофильстве каждый из этих элементов выделился и гуляет сам по себе, как нос майора Ковалева". Только сейчас стало ясным, насколько тогда был прав В.С. Соловьев: славянофильство в его классическом варианте служило консолидации общества, тогда как славянофильство сегодняшнего дня работает на его разрушение, оставив при себе лишь поверхностный византизм да гиберболизованный "брюшной патриотизм", с отвратительным запашком агрессивного антисемитизма, напрочь избавившись при этом от всех следов какого бы то ни было либерализма.

В чем же, с моей точки зрения, глубинная причина возникновения антисемитизма в конце прошлого века? Мне кажется, ответ на этот вопрос дал мой современник, служилый русский полуинтеллигент, так объяснивший мне не то чтобы свой антисемитизм - он от него отрешивается на все стороны, а свою нелюбовь к евреям:

- А чего они все время суеются? Чего вперед лезут?..

"Вперед" в данном случае означает, что евреи просто-напросто обогнали на деловом поприще русского коллегу советского разлива, привыкшего никуда не торопиться и - Боже упаси! - не проявлять никакой инициативы. Столь свойственная нам боязнь риска, нерешительность и пассивность, вполне объяснимая всей нашей историей, в суматошные годы первичной - даже не рыночной, а скорее - базарной экономики, позволила более энергичным и рискованным конкурентам легко переиграть нас на многих фронтах борьбы за место под капиталистическим солнцем.

В качестве примера изменения отношений к народам по этой, обидной до невозможности причине, приведу совсем недавно возникших в нашем языке таинственных "лиц кавказской национальности", о которых мы прежде и не слыхивали. Наоборот, до войны да и после оной жители Кавказа вызывали повышенно комплиментарные чувства у русского человека. Они служили примером гостеприимства, неувядающего оптимизма, веселья, бодрости, смелости и удивительной преданности дружбе. Почти в каждом фильме неременнейшим и активнейшим действующим лицом оказывался житель одной из Кавказских республик: вспомните хотя бы фильм Пырьева "Свинарка и пастух". Впрочем, справедливости ради следует заметить, что тогда мы не забывали и о евреях, весьма часто делая их героями наших фильмов. Припомним "Искатели счастья", "Подводная лодка Т-9", где героем оказывался ее командир капитан-лейтенант Рабинович, "Подкидыш" с Фаиной Раневской, "Мечта" и многие, многие другие. Следует особенно подчеркнуть, что в восьмидесятых годах на первое место по абсолютной популярности вышло грузинское кино, А Тенгиз Абуладзе накануне "перестройки" поставил отличный и весьма многозначительный фильм "Покаяние".

А потом вдруг все изменилось настолько, что жителей Кавказа стали **ОФИЦИАЛЬНО** именовать "лицами кавказской национальности".

Что же послужило причиной столь резкого изменения наших симпатий?

А то, что с кончиной Советского Союза и официального разрешения заниматься частным бизнесом энергичные, дружные, привыкшие к риску жители Азербайджана, Армении, Чечни быстро и ловко

захватили господствующее положение на рынках не только Москвы, но и ряда других городов.

И дело здесь было не в пресловутой "организованной преступности" - она возникла позже, на базе уже приобретенной частной собственности, а в повышенной пассионарности жителей Кавказа, никогда не знавших крепостного права.

Вот свидетельство Александра Дюма-отца, посетившего Кавказ в начале второй половины девятнадцатого века. Он прибыл туда из центральной России и называл жителей Кавказа общим именем, принятым тогда в Европе: "татары":

"Какая разница между этими суровыми татарами и смиренными крестьянами, которых мы встречали от Твери до Астрахани!"

Это разница между свободными людьми и людьми крепостными, а по сути - рабами, о чем разговор пойдет ниже. Вот эта разница и обеспечила жителям Кавказа захват рынков, а нам, русским, унылую компенсацию в виде изменения собственного былого восторга пред их веселой внутренней свободой. Внутренней, подчеркиваю. У нас, русских, она - внешняя, до внутренней надо еще дорасти и, дай Бог, чтобы это удалось нашим внукам и правнукам!

И что же остается в основе как антисемитизма, так и антикавказских настроений? Зависть, и ничего более. Самая черная и самая страшная из всех страстей человеческих.

Еще пример? Пожалуйста. Почему в Советском Союзе не существовало социального антисемитизма? А когда его вздумали возродить, то пришлось, во-первых, прибегнуть к его государственной форме, а, во-вторых, затратить немало труда и времени? Да потому что при социализме завидовать практически было нечему. (Хотя и тогда завидовали, да еще как! Вплоть до устранения предмета зависти, но об этом - потом).

Дело в том, что социализм - общественно-экономическая формация, предполагающая власть и благополучие усредненного человека. Не героя, не супермена, не пассионария, не авантюриста, наконец, а человека обыкновенного, в меру талантливого, в меру энергичного, в меру работающего и безмерно послушного при этом. Естественно, я имею в виду социализм советского разлива, который и погиб-то именно в силу сказанного в предыдущей фразе.

История не терпит сослагательного наклонения: что было - то было. Ничего переделать уже невозможно...

Тогда для чего изучают историю во всех странах и у всех народов? Тогда почему одно из древнейших в мире литературных сочинений - "Илиада" Гомера - рассказывает именно о реальном историческом событии? То же самое можно сказать о русских былинах, об ирландских сагах, о легендах о Нибелунгах, о "Песни о Роланде". Какая необходимость заставляла наших далеких предков рассказывать об исторических событиях в жизни своих народов? Или - точнее - какая потребность?

В предисловии к "Философии истории" Гегель напоминает о том, что "для камердинера не существует героя, но не потому, что второй - не герой, а потому, что первый - камердинер". И в этом напоминании содержится ответ, почему мы начинаем знакомство с историей, еще сидя за школьной партой. И почему курс этой школьной истории в русских гимназиях был несоизмеримо более обширным, нежели в наших сегодняшних, а, тем паче, вчерашних школьных учебниках.

Потребность в этом возникла не вследствие любознательности, а по причине острейшей необходимости формирования в последующих поколениях фундамента для постижения **СОЦИАЛЬНОЙ ПРАВСТВЕННОСТИ**, без которой невозможно существование народа в целом как национального объединения.

Если литература появилась на свет для воспроизводства нравственности **ЛИЧНОЙ** (а совсем не для приятного времяпровождения), то история - и только история! - есть могучий и постоянный источник воспитания нравственности **СОЦИАЛЬНОЙ**. Уберите ее из школьных программ, перестаньте восхищаться деяниями исторических героев, сорвите с них венцы героического примера для подрастающего поколения, и вы в конечном итоге весьма скоро (что мы и покажем впоследствии) получите народ, лишенный исторической памяти. Народ, который окажется способным ценить и защищать только место своего обитания. Свою землю, то есть, принадлежащую лично ему географию, которую во всех странах мира именуют Родиной, но не свою самобытность. Вы получите народ без Отечества, народ, состоящий из ущербных сирот, готовых уступить любому агрессору свою землю, если этот агрессор гарантирует, что не прогонит вас с насиженного места. Не с отчих могил, а со знакомого, с детства

привычного поля, луга, речки или березовой рощи. И такое случалось в истории народов сплошь да рядом.

Мы, сегоднешние русские, восприняли свободу прежде всего как волю, и не могли воспринять ее по иному в силу целой цепи исторических причин. Ради этой "цепи исторических причин" я в данном случае и взялся за перо: это только "НАВЕДЕНИЕ НА ЦЕЛЬ", объяснение необходимости именно такой задачи и именно такого ее изложения. Все воспоследствует далее, но пока...

Пока наши книжные прилавки ломаются от книг, авторы которых в меру собственных сил стремятся выяснить темные места, недосказанности, неточности, а то и хронологическую привязку всей истории нашего народа.

Ими движет то ли обостренная любознательность, то ли неутоленное тщеславие, то ли привычное пренебрежение к наукам гуманитарным, то ли соблазн легкой наживы - мне безразличны их родовые позывы. Мне важен результат их стараний в целом. И результат этот весьма неутешителен. Я не могу рассматривать эти попытки иначе, нежели сознательное или бессознательное торпедирование фундамента СОЦИАЛЬНОЙ ПРАВСТВЕННОСТИ всего русского народа. Все работы подобного направления написаны КАМЕРДИНЕРАМИ, то бишь, лакеями. Это - холуйское представление о героях прошедших времен. "А у Багратиона штаны сзади были порваны еще до начала Бородинского сражения!.. Вот смеху-то..."

Свобода в странах развитой демократии вовсе не предполагает русского "что хочу, то и ворочу": подобных сочинителей там ожидает суд и, как минимум, огромный штраф за оскорбление национального достоинства. Но не обладая достоинством личным, мы и представить себе не можем, что, оказывается, существует и достоинство народа в целом! И оплевываем самое святое, что у нас есть. Святое религии, потому что в выборе веры человек волен, это - вопрос совести. Но он неволен в выборе собственной истории: какая досталась ему по рождению, такая и досталась, - это как с родителями. Как назвать подобное оплевывание? С моей точки зрения, глубочайшей внутренней безнравственностью. Точнее, полным непониманием, а что это такое - нравственность и зачем она вообще нужна современному вольному русскому человеку?

Только - русскому ли? Увы, не русскому, что доказывают подобные исторические изыски, а - СОВЕТСКОМУ. Тому самому, которому

совершенно несвойственна и совершенно непонятна была нравственная безгливость, как чисто русская черта характера. Кто, когда, как и зачем лишил нас, русских, присущей нам нравственной безгливости, мы еще поговорим. Когда дойдем до деяний Советской власти.

Да, историю - не в записи, разумеется - исправить невозможно, но можно - и нужно! - попытаться сгладить последствия деяний прошлого, если эти деяния сказываются в дне сегодняшнем. Если они и до ей поры изменяют ритм наших сердец, затемняют наше мировосприятие, рождают в нас алогичное представление об окружающей действительности, искажают реальное восприятие сегодняшнего дня.

Почему мы воспеваем наших наиболее кровожадных разбойников в культуре крестьянской и восторгаемся террористами в культуре дворянской? Почему самыми высокочтимыми государями у нас всегда оказываются самые жестокие деспоты, балансирующие на грани безумия? Почему Москва - та, дореволюционная - так и не поставила в городе, в котором родился, крестился, короновался и женился Петр Великий, ни одного памятника ему?

Почему, исключая Пушкина, никто из русских классиков более не писал о том же Петре Великом? Почему мы никогда практически не вспоминаем об Александре Втором, отменившем тысячелетнее проклятье Руси, именуемое крепостным правом и пожаловавшем России целый набор реформ, рассчитанных не на латание Тришкиного кафтана, но на века вперед? Почему именно у нас, в стране, заплатившей немислимую и еще несочтенную цену за победу над фашизмом, его наследники бодро маршируют по улицам, вскидывая руки в нацистском приветствии? Почему мы работаем ради того, чтобы отдыхать, а не отдыхаем ради того, чтобы лучше работать? Почему мы с куда большим энтузиазмом просим и требуем, нежели ищем собственные промахи и ошибки для того, чтобы их исправить, не прибегая к помощи бурмистров разных калибров? Почему мы не любим собственной интеллигенции, относясь к ней в лучшем случае с насмешкой? Почему мы в первую очередь начинаем искать врагов, которые прямо-таки спят и видят, как бы нас изничтожить? Почему мы воруем у себя же самих и неудержимо, по-детски врем, что в стране люди умирают с голоду, хотя потребление водки на душу населения красноречиво опровергает этот убийственный факт? Почему мы начинаем не доверять властям на второй день после их избрания нашим же добровольным волеизъявлением? Почему мы позволяем себе

откровенную хамскую грубость в адрес своего, Первого в истории России, Президента, с которым можно и должно не соглашаться и спорить? Но - спорить, а не публично и ежедневно ему хамить? Почему в нашей стране до сей поры ВЫБИВАЮТСЯ (мягко говоря) признательные показания у ПОДОЗРЕВАЕМЫХ, то есть, еще совсем не преступников? Почему мы постоянно и прилюдно унижаем своих женщин матерщиной? Почему советский городской фольклор прямо-таки из кожи лез вон, воспевая уголовников? Почему экраны наших телевизоров залиты РЕАЛЬНОЙ кровью практически ежедневно? Почему начальники всех степеней говорят с подчиненными на "ты", тогда как Россия никогда этого не делала, исходя из того, что подчиненный лишен возможности ответить начальнику тем же? Почему мы со всенародным восторгом празднуем свои победы и тихо помалкиваем о своих поражениях с их миллионами погибших, хотя победы никогда и ничему не учат, ибо учат только поражения? Откуда в нас такая ярость отрицания, которая заведомо, априори, превалирует над яростью созидания?..

Вот, что сказал почти полтора столетия назад Александр Дюма-отец, автор столь любимых нами романов, человек, обладавший и даром наблюдательности, и талантом публициста.

"Вот так все и делается в России: никогда начатое дело не доводится до конца, не простирается за пределы абсолютной необходимости конкретного момента. Когда же нужда миновала, начатое дело бросается на полпути, на произвол судьбы - вместо того, чтобы поддержать, довести до конца, пополнить, продолжить, завершить. Россия является неуправляемой стихией, она вторгается, чтобы уничтожить. В ее современных завоеваниях есть отголоски варварства скифов, гуннов и татар. Нельзя понять - тем более при современном уровне цивилизации и культуры - эту одновременную и равную потребность в захвате чужого и беспечность в сохранении и улучшении собственного". (А. Дюма. 1859 год.)

И напоследок - еще одно недоумение, которое хотелось бы понять и объяснить.

Почему наше самоназвание суть прилагательное, а не существительное, как у всех прочих народов? "РУССКИЙ", то есть, принадлежащий ... кому? Никого более мы прилагательным не называем, даже тех, кто проживает в России или совсем рядом с нами. Например, украинец, белорус, литовец, чуваш, татарин, цыган, чукча и

так далее. Вот эта загадка и будет первой темой дальнейших размышлений.

А пока - продолжим.

Мы наследовали ПОНЕДЕЛЬНИК обитания, позавчерашний день, и отсюда - все наши беды. Мы живем не в своем времени. Когда, почему и каким образом мы вывалились из него?

Чтобы понять это, придется вспомнить все ступени, пройденные нашим Отечеством от рождения до гибели. Понять, какие страсти двигали Россией от момента ее первого крика до старческого хрипа мучительно затяжной агонии.

Предлагаемое - не исторический трактат. Это попытка вспомнить о страстях, прикрытых мифами, легендами и псевдонимами.

"У нас, в России, две напасти: Внизу - власть тьмы, вверху - тьма власти".

Г Л А В А П Е Р В А Я .

"РОЖДЕНИЕ".

1.

Нам повезло: в отличие от очень многих народов мы точно знаем, кто и когда заложил первый камень в фундамент нашей державности. Знаем его имя, звание, должность, даже расовую принадлежность, хотя последняя нашей историей никогда не уточнялась. И это понятно: при рождении никто не задумывается о национальности младенца. Но потом, еще в детстве, начинают просыпаться страсти, и первой из них является страсть самоутверждения. Все народы переболели ею, но только у нас болезнь эта приняла характер хронический. Мы особенно не рвались приобретать мудрость, и самоутверждение так и осталось главной чертой нашей национальной натуры. И эта затяжная детскость - тоже вопрос, требующий разъяснения, мы обязаны в нем разобраться, чтобы понять, почему бес продолжает ломиться в ребра, когда борода уже стала седой.

Может быть, именно неопределенность происхождения и стала причиной того, что мы забыли имя первого архитектора нашей державности? И если бы не прекрасная баллада Пушкина - Ох, недаром он поведал ее нам, недаром! - мы бы так и не знали имени этого князя со школьных времен. Правда, история, равно как и литература, не

числятся в любимых предметах нашего школярства (а школярство, должен сказать, и есть основа нашего всеобщего гуманитарного просвещения, перебивав из семьи в школу, но это - разговор особый), почему мы и забываем о нем и в жарких, самодовлеющих потугах юности, и в суетных заботах зрелости, а в старости выясняется, что внукам передавать нечего, потому что забыли мы малопонятную и малопочтенную для нас мудрость филологических знаний. Иначе я никак не могу понять необъяснимый факт забвения этого героя древности нашей, хотя был он и воином, и основателем, и строителем государственности нашей. Но не называют в его честь ни городов, ни улиц, ни боевых кораблей, ни даже новых моделей скромных отечественных автомашин. Уж скорее назовем мы их именем одного из самых двусмысленных персонажей русской истории, такового реально существовавшего Плюшкина, в насмешку прозванного современниками Калитой за уникальную мелочность и скардность, нежели хотя бы так вспомним о первом князе первого государства восточных славян Великого княжества Киевского, которого звали - напоминаю! - ОЛЕГ.

Мало строк отведено ему в истории, согласен. Да и имя его, прочно вошедшее в гражданские "святцы" нашего века, совсем не славянское, а - древнегерманское ("Хельги" - святой, равно как и женский аналог его Ольга - древнегерманское - "святая"), а мы, преклоняясь, как папуасы, перед иностранными обозначениями фирм, названиями магазинов да загадочным звучанием словечек из заграничного жаргона, в истории своей иностранцев не жалуем, поскольку этого не велел делать товарищ Сталин еще в конце сороковых. А то, что сказал этот НЕИНОСТРАНЕЦ даже походя, для нас - святее самой Библии при всех наших нынешних крестах как окрест, так и на груди.

Но великий Киевский князь Олег - это Глава первая нашей истории, у которой было и некое подобие Предисловия или, точнее - Введения. Вот о нем и напомним.

2.

В середине 9-го века восточно-славянские племена, осевшие на великом торговом пути "Из варяг в греки", открытом еще в Каменном веке, заключили Тройственный союз из Новгородских словен, кривичей и веси (угро-финское племя). Заключали они его, исходя из

целей торговых, а совсем не военных, но что-то при этом у них не заладилось. Что-то не поделили - то ли затрат на кормление людейщиков, то ли мытных доходов за транзит товаров, то ли причитающихся каждой из высоких договаривающихся сторон процентов вознаграждения, а только нарушился "наряд", как тогда это называлось, то есть, договорной порядок самой хозяйственной деятельности прежде всего. Долго спорили, к "консенсусу", как модно сейчас говорить, придти не смогли, и решили поискать независимого третейского судью. Просить на эту ключевую должность кого-либо из самого Тройственного союза было бесперспективно; из соседних государств - опасно; абсолютно незнакомому ни с сутью проблемы, ни с расстановкой политических сил и векторов экономических интересов - бессмысленно, а посему предки наши, поразмыслив и почесав в потылицах, решили пригласить судьей человека, никак не связанного ни государственными, ни родовыми обязательствами, но хорошо понимающего, кто есть кто, и что от него лично требуется. А таковым мог быть только ВАРЯГ.

ВАРЯГАМИ на Руси называли речных и морских пиратов, грабивших прибрежные и приречные селения, а заодно и сам торговый путь "Из варяг в греки" (почему, кстати, он так и назывался: варяжские разбойные ватаги практически невозможно было обойти). Удобство избрания из их среды Третейского судьи заключалось в том, что варяги не имели ни роду, ни племени, ни, тем паче, государственной принадлежности, но, регулярно грабя торговые караваны, отлично разбирались в ситуации. На родине, а породила их Скандинавия, втечении двух с лишним веков поставлявшая лихих флибустьеров как для Европы, где они назывались викингами, так и для современной России, где их именовали варягами от древнегерманского "вар" - верность, порука, обет; то есть, "союзники", "члены корпорации".

(Фасмер) - основным условием для члена разбойной ватаги было отречение от рода своего. Отрекшись от всех родственных связей, варяги давали клятву верности своему выборному вождю-конунгу, и более не имели никаких обязательств. И это обстоятельство вполне устраивало перессорившихся участников Тройственного согласия, поскольку избранный ими варяг не мог действовать в пользу четвертой стороны за неимением таковой.

Летопись сообщает, что в качестве третейского судьи был приглашен конунг варягов некий Рюрик. Таково написание этого имени в исторических документах, а расшифровывается оно, как

Хродриг (древнегерманское имя: "хрод" - слава, "рик" - богатство, могущество. Отсюда современные европейские имена Родерик, Родрик, Родриго). Конунг Рюрик не отказался от лестного предложения, но пришел, как утверждает летопись, не один, а с двумя братьями Трувором и Синеусом. Первое имя скандинавского происхождения, второе - явно славянского, но суть не в именах. Суть в том, что "братья Рюрика" - более поздняя легенда, по неясной причине попавшая в летопись.

В самом деле, представьте полновластного конунга, такого капитана Флинта раннего средневековья, которого вдруг пригласили на почетную и очень выгодную должность в богатое межгосударственное объединение: зачем ему делить власть и богатство с кем-либо еще? Он, что, альтруист при его-то способе добывать кусок хлеба с ветчиной? Этаким скандинавский король Лир, прошедший беспощадную пиратскую выучку? Абсурд: властью не делятся и в наши дни, а уж в те времена - тем более. Ладно уж поделиться со своим "корешом" по прежней профессии Трувором, но славянин Синеус тут-то причем? Добавим к этому, что вскользь упомянутые "братья" Синеус и Трувор более ни в каких текстах никогда не упоминаются и никаких потомков за ними не числится, хотя они представлены в летописи далеко не рядовыми варягами, а соправителями самого конунга Рюрика. Была бы полная неясность, если бы летопись не указала, куда именно отправил их Рюрик, вступив, так сказать, в должность. Так вот, Трувора он назначил в Изборск, то есть, в землю кривичей, сам сел в в Новгороде, столице словен-новгородцев, а Синеуса заслал аж на Белоозеро, где проживала весь, народ угро-финский. Таким образом все три племени, составлявшие Тройственный союз, - словене, кривичи и весь - получили по персональному управляющему, а учитывая, что сам атаман оставил за собою Новгород, за ним осталась и дирижерская палочка во всем этом руководящем трио.

Кстати, упомянутые "братья" вполне могли быть и из варяжской ватаги Рюрика, поскольку варяг - не национальность, выражаясь современным языком, а - профессия, которой занимались не только выходцы из Скандинавии, но и финны, и жители Прибалтики, и сами славяне, по тем или иным причинам разорвавшие связь с родом своим. И это тоже следует иметь в виду.

Попав в Новгород в качестве лица, облеченного огромным влиянием, Рюрик не стал мелочиться и весьма скоро прибрал к рукам всю власть вообще, став первым в истории новгородским князем.

Возможно, что тут сыграло роль упомянутое в летописи восстание новгородской гольтьбы под руководством некоего Вадима, поскольку попытки добиться справедливости силовыми методами никогда добром не кончаются. Как бы там ни было, но Рюрик оказался князем Господина Великого Новгорода с правом наследования своего высокого звания. Однако ничего путного, кроме своих потомков-Рюриковичей более в нашей истории так и не оставил. Слава основателя первого государственного объединения восточных славян досталась некоему Олегу, о чем мы уже упоминали. А княжение Рюрика оказалось всего-навсего лишь кратким Введением в длинную Историю государства Российского.

Теперь вернемся к главе Первой, к истории восхождения к власти и правления таинственного Олега.

Он тоже не был славянином, но если национальная принадлежность Рюрика не оказала ровно никакого влияния на судьбы нашего народа, то с Олегом все было наоборот настолько, что мы и по сегодняшний день несем на себе убедительную печать его решительного вмешательства в нашу историю.

Летопись наша подробно описывает известные ей восточно-славянские племена и их соседей. Как правило, соседями наших предков были народы угро-финского корня, потомки которых и поныне продолжают жить среди нас. Однако в год призвания Рюрика (862), когда решено было разыскать некоего третейского судью, читаем:

"И пошли за море, к варягам, к РУСИ. Те варяги назывались Русью подобно тому, как другие называются свеи (шведы), а иные норманы и англы..."

Варяг никак не называется, поскольку варяг, он и есть варяг: пираты поднимают над своими судами отнюдь не государственные флаги. Возможно летописцу надо было как-то объяснить, почему союз славянских племен вдруг стал называться Русью, и он сообщил об этой причине сразу же, не вдаваясь в излишние подробности. Однако это известие вполне может оказаться и позднейшей вставкой, поскольку упомянутое племя жило непосредственно на территории, позднее ставшей местом проживания славянских народов, еще в начале Первого тысячелетия. То есть, две тысячи лет назад. До появления в этих местах сколько-нибудь замеченных историей славянских племен: они появились позднее, расселившись севернее озера Ильмень, где в девятом веке и заложили город с красноречивым названием Новгород.

3.

В четвертом веке нашей эры сорвались с насиженных мест жители балтийского побережья, ранее переселившиеся туда из южной Скандинавии. Готы, древнегерманское племя. С чего это вдруг народ в полном смысле этого слова - то есть, все население, все племя, может быть, за небольшим исключением, с женщинами, детьми, скотом, припасами - поднималось тогда с привычных мест обитания и начинало куда-то двигаться в поисках лучшей доли, не очень ясно. Возможно, природные ресурсы подходили к концу - пастбища истоптаны, пахотная земля истощена, рыбные стада подорваны. Возможно, какие-то внутренние факторы на них влияли - безумные пророки, знамения и тому подобное - а только это случалось в истории неоднократно, и известный русский историк Л.Н. Гумилев нашел для этого эффекта объяснение в пассионарном толчке. То есть, в силах почти космических, в заряде внезапной дополнительной энергии и – в особенности - воли, воспринятой тем или иным народом спонтанно и толкающим его на действия алогичные с точки зрения нормального стремления каждого народа к определенной консервации уже достигнутого. Как бы там ни было, а готы двинулись на юг, придерживаясь, в общем, известного с древнейших времен Торгового пути "Из варяг в греки". Вполне вероятно, что к ним примкнули "лишние люди" из тех племен, которых они задевали при своем движении - искатели приключений с повышенной жаждой новых впечатлений, не нашедшие возможности приложения своих способностей и сил в собственном племени всегда найдутся. Статистика уверяет, что около двадцати процентов населения любой страны всегда было внутренне готово поискать счастья на стороне - вспомните о заселении Америки, Канады, Австралии, Новой Зеландии и т.д.: не одни же каторжники осваивали новые континенты. Нет, в основе своей первопроходцами всегда были люди с повышенной страстью к свободе, независимости и - мечте. И эта мечта толкала их на рискованные авантюры. И толкает сегодня, в наши дни: пятая часть населения любой страны рождается с необъяснимой тягой к новому и с конфликтной тоской в душе своей.

4.

Но вернемся к переселению готов неизвестно, куда. По пути своего продвижения они вступили на ныне нашу территорию, отбросили финно-угорские племена, а заодно и славянские, проживавшие южнее озера Ильмень, и встретились с народом, самоназвание которого ныне хорошо известно всем, а нам - в особенности. Этим народом были РУСЫ, впоследствии обитавшие южнее озера Ильмень.

По счастью, историк готов Иордан описал эти встречи достаточно подробно для того, чтобы сегодня разобраться, кем же были эти русы. А были они потомками россомонов, древнегерманского племени, издревле обитавшего в этих местах и, естественно, говоривших на древнегерманском языке. Они были известны в Европе под разными названиями: русы, роги, руги, рузы, рутены. Епископ Адальберт, к примеру, называл киевскую княгиню Ольгу "королевой рогов", но суть не в этом. Суть в том, что топонимика района их предполагаемого обитания и по сегодняшний день хранит память о них. Это и речки Руса и Руза, и похожие словосочетания, и, наконец, городишко Старая Русса, название которого в древности писалось через одно "С". Здесь произошло знакомство готов с русами, и Иордан счел нужным подчеркнуть разницу между русами и их южными соседями славянами, чтобы впредь их не путать. И особенно подчеркнул три признака, по которым это легко сделать.

1. Русы бреют голову начисто, оставляя лишь первородный клочок волос на темени, тогда как славяне стригут волосы в кружок ("под горшок").

2. Славяне всегда умываются под струей текущей воды, тогда как русы делают это в тазу, что и по сей день типично для всех европейских народов древнегерманского происхождения.

3. Наконец, главное. Он уверяет, что земли здесь небогатые, а посему основным занятием русов является не земледелие со скотоводством, а насильственное взимание пошлины с товаров, поступающих по торговому пути "Из варяг в греки", а то и попросту грабеж с последующим сбытом добычи хазарским купцам. Запомним это, поскольку подобное занятие уж очень напоминает нам о пиратстве варягов.

Вероятно, русы оказали существенное сопротивление готам, поскольку были отброшены с занимаемых ими земель в совсем уж некормные неудобья и частично рассеяны. Готы отправились дальше на юг, а русы - остались где-то в заильменьских болотах, постепенно

приходя в себя от разгрома. На это, естественно, потребовалось немало времени, и когда они сумели возродиться, как организованный социум, оказалось, что их земли севернее озера Ильмень заняты пришедшими на свободное место славянами, которые долго сохраняли это название, пока оно не заменилось на новое: новгородцы. По их главному городу, который они успели не только построить, но и укрепить.

Вот об этом-то народе русов наша летопись по какой-то причине и не упоминает в перечне славянских племен и их неславянских соседей. Но, как уж было сказано выше, под 862-годом вдруг извещает, что депутация от Тройственного союза - новгородских словен, кривичей и веси - в поисках третейского судьи отправилась - цитирую: "И ПОШЛИ ЗА МОРЕ, К ВАРЯГАМ, К РУСИ."

Позвольте, за какое море? За Балтийское? Тогда они пришли бы к шведам, но летопись специально оговаривает, что то были не шведы ("свеи"), а - Русь. Тогда через какое море им пришлось переплывать, если учесть, что "за море" означает его пересечение? Через Финский залив они попали бы к финнам, которых хорошо знали, и, следовательно, никакого уточнения ("к руси") не потребовалось бы. По морю - не "за море", подчеркиваю! - прибыли бы к племенам прибалтийским, которые тоже им были известны, поскольку они являлись их торговыми партнерами. Тогда куда же, за какое море направили свои челны наши предки?

А если предположить, что так они называли озеро Ильмень? Ведь говорим же мы - "Славное море, священный Байкал"? Ведь даже официально именуем же мы Каспийское и Аральское (увы, уже не существующее) озера морями? Ильмень в те времена был существенно больше, чем сейчас, на нем, лежащем на продуваемой со всех сторон равнине, случались и бури, и шквалы, и штормы, и пересечение его в то время было делом совсем не простым.

А что понимали под словом "море" наши предки? В олонецком и онежском диалектах "море" означало "озеро", то есть, прежде сего - огромный водный бассейн. В "Житии Александра Невского" "морем" именуется Чудское озеро. Вряд ли будет большим преувеличением предположение, что в записи легенды о призвании варягов автор летописи употребил слово "море" в значении прежде всего большого водного пространства, которое требует не просто пересечения, как, скажем, река, но пути длительного и рискованного. Путешествия - "За". За пределы привычной ойкумены, а на запад я ее покидаю, на

восток, юг или север - в данном случае безразлично. Главное - далеко. Событие.

Да, скажет читатель, допустим. Но причем тут тогда варяги, из среды которых наши многомудрые предки решили избрать третейского судью для восстановления порядка?

Вопрос вполне закономерен, но вспомните, как характеризует русов готский историк Иордан в третьем пункте своих предупреждений о принципиальной разнице между русами и славянами? По его словам, русы занимались грабежом торговых караванов. То есть, с точки зрения нормальным трудом кормящихся народов были теми же варягами, только - оседлыми, выходящими на промысел с началом навигации, а зиму проводящими не на тоскливых варяжских зимовьях, а в городах и селах со своими женами и семьями. Может быть именно по этой причине наша летопись и разъясняет, что они не шведы, не норманы, не англы, то есть, не народы, живущие праведными трудами и лишь время от времени выбрасывающие из своей среды орды "криминальной", как мы сказали бы сегодня, молодежи. Нет, они именно РУСЫ. Они живут пиратским ремеслом, не отходя далеко от домашних очагов.

5.

Это предположение помогает распутать множество неясных мест летописи. Тут и непонятное появление Олега - появление вдруг, внезапно, "деус экс махина" (бог из машины), как именовали подобное появление персонажа трагедии древние греки. Летописи называют его то родственником Рюрика, то воеводой Игоря, но если он стал конунгом русов после ухода последнего в Новгород, то все встает на свои места, потому что ему есть, откуда придти: он - рядом, в уже возникшей связке между новгородцами и русами. Здесь же и непонятное количество доселе неизвестных русов в Киеве, больше похожее на нашествие, нежели на помощь Олегу в его борьбе с Аскольдом за власть. Тут и последующие набеги воинственных русов на побережья Черного моря, в Хазарию и даже в Закавказье. Тут, наконец, и объяснение деления жителей Киевской Руси на славян и русов, старательно подчеркиваемое в летописи, которое исчезает только в третьем поколении после прихода Олега с войском в Киев, и древнегерманские имена дипломатов, подписавших договор с Византией под красноречивым обозначением "мы от рода русского"

после похода Олега на Царьград, и многое, многое другое, к чему мы еще вернемся.

Поэтому я позволю себе придерживаться этой гипотезы. Кроме всего прочего, я исхожу из того, что цель моей работы не историческое исследование, а популярное изложение русской истории с максимальной многовариантностью возможных причин и следствий ее ключевых событий. Мне кажется, что свойственный нам комплекс национальной неполноценности надо преодолевать не в пустопорожних спорах, а в понимании, что записанная история всегда есть документ политический, то есть, выражаясь языком современным, ангажированный ("ангажировать" - фр. - приглашать, заключать контракт, например, с артистом). Иными словами, работа эта всегда была негласно договорной с оплатой либо денежной, либо - борзыми щенками. У нас, на Руси, летописцев ангажировала, как правило, церковь со всеми, вытекающими отсюда последствиями в виде угодных заказчику мифов.

О, эти заумные споры между западниками и славянофилами! Бог весть, когда они начались, но уверен, что они так никогда и не закончатся, хотя в наших летописях ясно и недвусмысленно указано, что предки, не сладив с разногласицей в Тройственном союзе новгородских словен, кривичей и угро-финнов, решили пригласить третейского судью. Выбор пал на варяга Рюрика, за которым послали посольство "К варягам, к руси". Пришел Рюрик, навел порядок, а заодно и подобрал упавшую власть.

Никого это тогда особо не беспокоило (возможно, потому, что они и слова-то такого не знали: "ПАТРИОТИЗМ"), но и в прошлом, и ныне почему-то не прекращаются утверждения, что вышеупомянутый Рюрик этот был... славянином. И никто не дает себе труда обратить внимание, что имячко-то у него отнюдь не славянское, а древнегерманское. Хродриг, то есть, понынешнему, Родриго. Ну, ладно, Бог с ним, с Рюриком, но ведь и имена последующих владетельных киевских князей того же древнегерманского происхождения: Олег, Игорь, Ольга. С ними-то как быть? Ведь только внук Рюрика Святослав Игоревич наконец-таки приобрел славянское имя. И только со времен его сына, то есть, правнука Рюрика Владимира Святославича, летопись перестает противопоставлять славян русам, называя их единым народом.

Но вернемся в девятый век. В 879-м году умер Рюрик, передав, как сказано в летописи, княжение свое Олегу вместе с малолетним сыном Игорем. В Лаврентьевской летописи Олег назван родичем Рюрика, но иные списки этого не подтверждают, что представляется более правдоподобным.

Уж очень, как говорится, "видны уши" в утверждении Лаврентьевской летописи, то есть, следы заведомого заказа: правящая династия - а правила Русью потомки Рюрика - не должна прерываться, иначе теряется преемственность, а, следовательно, и законность наследования оказывается под вопросом. Олег собрал войско, подкрепил его наемными варягами и двинулся вниз, через волоки, к Днепру.

Он шел на Киев, в котором княжил то ли один Аскольд, то ли совместно с неким Диром. Относительно совместного правления в те суровые времена у меня есть серьезные сомнения, но сейчас - об ином: кем он мог быть, этот узурпатор? Имя у него - равно как и у его сомнительного сопровителя Дира - древнегерманское, летописи говорят, что эти захватчики стольного города полян были до этого боярами Рюрика, но что-то тут не совсем ясно. В то, весьма "крутое", выражаясь современным новоязом, время письменные договора заключали редко, а вот клятвы на верность - сплошь да рядом. По-славянски клятва вождю называется рота: знакомо, неправда ли? Да, да, с тех времен эта "рота" и дожила до наших дней, обозначая единицу воинского подразделения (около ста человек), устную клятву которых вождь мог проконтролировать. Если бояре Рюрика Аскольд и Дир по согласию с ним решили отправиться в Киев, они обязаны были дать клятву исполнять его повеления. При подобных клятвах славяне клали перед собою оружие, а представители древнегерманских племен вонзали перед собою меч и клали руки на его перекрестие: на некоторых иконах запечатлен именно момент клятвы. За нарушение клятвы безусловно следовала смертная казнь ослушника. Конечно, никакого аппарата полиции тогда не существовало, но уважение к клятвам подкреплялось необратимостью наказания за их нарушение. Имена клятвопреступников тотчас же становились известными соседствующим конунгам, повторная клятва не принималась никем, никогда и ни под каким видом, и клятвопреступник оказывался вне варяжского закона. Его мог убить любой хотя бы ради того, чтобы получить награду за наказание клятвопреступника.

Нет, в случае с Аскольдом что-то явно не сходится. Попробуем поискать более достоверные варианты, откуда он мог явиться и почему осел в Киеве.

Ну, почему осел в Киеве - понятно: город богатый, а владыка его, то бишь, Рюрик, далеко. И, говорят, стар, такие конунги не очень-то любят срываться с насиженных мест. Да, но откуда он, Аскольд этот, мог в Киеве появиться?

Есть сведения, что потомки россомонов были распространены в Восточной Европе довольно широко, что неудивительно, если припомнить, что славяне тоже когда-то густо населяли междуречье Одера и Эльбы: в раннем Средневековьи государственные границы проходили не по этническим разделам меж племенами, а в рамках, которые способен был охранять владетель. Король, герцог, князь, конунг. Там проживало сборное население, и представить, что потомки некогда грозных россомонов селились не только в южной Прибалтике, допустимо. Некоторые исторические сведения указывают, что родственные прибалтийским русам рутены проживали в Донецком бассейне, откуда приходили по весне на Черное море грабить прибрежные города и села. В "Житии святого Серафима Сурожского" содержится любопытное известие, относящееся к 8-му столетию:

"Воинственный и сильный князь Новгорода русского... Бравлин с многочисленным войском опустошил места от Корсуня до Керчи, с большой силой пришел к Сурожу... сломал железные ворота, вошел в город с мечом в руке, вступил в святую Софию... и ограбил все..."

Известный нам Господин Великий Новгород в указанное время еще не существовал, имя князя Бравлина нигде более не упоминается, а если под русами понимать славян, то как они могли дойти до Крыма через Дикую степь, когда это было немыслимо трудно осуществить и добрых восемь столетий спустя? Дорог не существовало, степь кишела ордами воинственных кочевников, обозы с продовольствием для войск просто невозможно было бы провести сушей до Крымского полуострова. Нет, славяне в данном случае отпадают. Тогда - кто же такой "князь Бравлин"?

Разгадку предложил известный историк Вернадский. Сопоставив все известные исторические документы, он доказал, что под Новгородом русским имеется в виду Неаполь Скифский, то есть, современный Симферополь. Русы - потомки россомонов, разгромленные готами и распавшиеся на отдельные анклав (а,

возможно, и на племена), известные современникам под названиями русов, рогов, рузов, рутенов и т.д., которые расселились после разгрома от озера Ильмень до бассейна Донца. Вот отсюда-то, с Донца, достичь Крыма не так уж и сложно, что и проделал местный предводитель воинственных русов некий Бравлин не столько ради грабежа крымских городов, сколько ради выхода к Черному морю. Русам это удалось, после чего они в течении двухсот лет наводили страх и ужас на все Черноморские города и поселки своими беспощадными и чрезвычайно жестокими набегами.

Вот откуда мог заявиться в Киев Аскольд вместе с Диром или не вместе - это не столь уж важно. Важно, что он захватил город, оседлал торговый путь "Из варяг в греки" и взимал пошлину с проходящих караванов, что Новгороду понравиться никак не могло. Именитые люди - бояре и купцы - ворчали, обвиняя князя Рюрика в нарушении договорных обязательств охранять торговые пути, поскольку доходы начали ощутимо падать. Однако у Рюрика уже не было сил на столь далекий боевой поход, он тянул, новгородцы начали угрожать восстанием, и тогда Рюрик вынужден был согласиться. Вполне возможно, что этому согласию предшествовал договор со своим преемником, конунгом Ильменских русов, доселе нигде не упоминавшимся Олегом. Вполне возможно, что Олег за врученную военную власть принес клятву, что посадит на Киевский Стол ("Престол", то есть, передаст Игорю верховное княжение по достижению им определенного возраста) после взятия Киева. И вручил ему малолетнего сына, как живое доказательство права Олега покарать Аскольда.

В пользу этого предположения говорят два факта. Первое: киевляне и не подумали о том, чтобы поддержать Аскольда, оставив его лицом к лицу со всеми силами Олега ВНЕ СТЕН ГОРОДА. И второе: Олег, как известно, и впрямь предъявил им законного претендента на власть, подняв на руках малолетнего сына Рюрика Игоря и напомнив о принесенной Рюрику роте на верность.

Как бы там ни было, а поход на Киев состоялся сразу же после смерти Рюрика. Всеми военными силами командовал уполномоченный на это Олег, а в обозе следовал законный наследник. После убийства Аскольда Олег предъявил им этого наследника, киевляне выразили свою радость по этому поводу и...

И в этот самый торжественный момент напоминания о клятве над поверженным захватчиком да еще с законным наследником на руках Олег и произнес знаменитую фразу. Фразу, не только отмечающую собою акт рождения нашего, первого в истории государства, не только решение о том, что отныне город Киев будет столицей нового государственного объединения, но - самое главное - в словах Олега содержалось и само название новой державы: - КИЕВ БУДЕТ МАТЕРЬЮ ГОРОДОВ РУССКИХ!..

Г Л А В А В Т О Р А Я . "ДЕТСТВО"

1.

- Киев будет матерью городов русских!

Выражаясь современным языком, Олег объявлял Киев столицей всех городов, подвластных Руси. Кое-какие мы можем себе представить: Новгород, Ладога, Белоостров, Изборск, Смоленск - все те города, которые перечисляет летопись наша, как владения Тройственного союза. Остальные Олегу пришлось захватывать силой, как, например, упомянутый в летописи Любеч. А вот Киев он не штурмует, и это - понятно. Киев еще до Олегова рывка на юг принес роту на верность Рюрику и, следовательно, входил в состав городов, уже принадлежащих Руси.

Попытаемся восстановить, как могли размышлять оба полководца - Олег и Аскольд. Один - наступает, второй - обороняется.

ОЛЕГ. Длительное продвижение к встрече с противником по воде: иных путей тогда просто не существовало, войско через чащобы не проведешь, а уж обозы - и думать нечего. Сплав по пути "Из варяг в греки" пролегал через земли славянских племен, из которых новгородцы - тыл, обеспечение лодьями и обслуживающим плавание составом – заинтересованы в сокрушении конкурента, захватившего Киев. Кривичи - волоки, ремонт судов, ближайшие тылы и снабжение продовольствием - тоже заинтересованы в том же, поскольку Смоленск, как и Новгород стал значительно меньше получать прибылей от торговли. Наконец, сами киевляне всегда предпочтут Рюрика Аскольду, так как это вдвое уменьшает поборы с населения, которому приходится кормить прожорливую рать Аскольда, платить ему же налоги и - не получать ни гроша прибыли от торговли, которую

захватчик прибрал к своим рукам. Стало быть, все три мощных славянских племени будут энергично способствовать продвижению войск Олега. Остаются племена, расположенные по обеим берегам Днепра, но, во-первых, в значительно меньшей степени связанные с торговыми караванами, а, во-вторых, формально не приносившие роту на верность Рюрику. С ними необходим договор на беспрепятственный пропуск войск под любые обещания, потому что в противном случае Аскольд может перехватить инициативу и - посулами или силой - заставить вмешаться в спокойный сплав флота наступающего Олега.

И, если не самое главное, то одно из самых сложных обстоятельств, которое невозможно просчитать: собственные войска. Они состоят из трех составляющих: личная дружина, нанятые варяги и примкнувшие бесконтрольные отряды искателей легкой наживы. Чудь, весь, ватаги славян, на собственный страх и риск двигавшиеся к Киеву через леса и болота в надежде принять участие в штурме Киева, где и пограбить всласть. Их невозможно проконтролировать и невозможно остановить в прибрежных дебрях. И если собственную дружину он будет кормить сам, то варяги привычно кормятся "с ног", отбирая пробовольствие у мирного населения. Пресечь это не удастся, следовательно надо попытаться взять с них обещание брать только самое необходимое. Это трудно, но возможно, а вот удержать от дикого грабежа ватажников - невозможно. И тут следует привлечь славян для защиты их же соплеменников.

Приблизительно так должен был размышлять Олег, затеявая свой бросок на Киев. Возможно поэтому он посадил в Смоленске своих представителей, оттеснив племенную власть кривичей: славянские вожди могли поосторожничать, проявить нерешительность в отпоре диким ордам, а русам Олега осторожничать было не к чему. Вполне вероятно, что и взятие Любеча исходило из продуманных заранее планов, и почти наверняка можно сказать, что брать Киев штурмом он не собирался. Ссора с киевлянами была для него равносильна провалу всей задуманной операции.

АСКОЛЬД. Одной дружиной Олегу Киева не взять. Поэтому он, конечно же, привлечет к походу множество трудно контролируемых и не обладающих дружинной спайкой союзников. Варягов, чудь, весь, случайных охотников до чужого добра. Чем дольше протянется осада Киева, тем все активнее и бесцеремоннее варяги и случайные попутчики станут грабить окрестное славянское население. В конце концов обиженное население позовет на помощь кого угодно, хотя бы

хазар, только бы защитили их от грабежа и насилия. Вот тогда дружина Олега и получит совершенно неожиданный удар в спину. Воевать с восставшими славянами, а тем более с кем-либо из привлеченных ими в помощь вдали от родных мест Олегу весьма затруднительно, поскольку в случае малейшей неудачи придется возвращаться в полыхающей восстанием стране. И русам останется одно: отступить, не ввязываясь в бои, чтобы сохранить дружину.

Стало быть, главная задача - заручиться поддержкой и военной помощью киевлян. С одной дружиной можно и не дожидаться народного возмущения и бунта. Естественно, за киевскими стенами и при активной помощи жителей города.

Таковы могли быть планы обеих полководцев. Спрашивается, зачем же автор поместил эти планы не ДО похода Олега, а ПОСЛЕ него? После бесславного поражения Аскольда?

Потому что как Олег, так и Аскольд не понимали и не могли понимать особенностей поведения основного населения. То есть, самих славян, как народа, обладающего нравственными ценностями и характером, непонятным не только для потомков древних германцев, но и для всех прочих своих соседей. Хотя бы просто потому, что славяне пришли в эти места сравнительно недавно, и соседи еще не успели ни толком познакомиться с ними, ни тем более постичь их эти их особенности.

Как они представлялись соседям? По внешнему виду - высокорослыми, сильными и ловкими. Загорелые лица, обрамленные прямыми светлыми волосами, со светло-голубыми глазами, чаще всего - с бородой, окрашенной желтой или черной краской. В длинных рубахах, стянутых поясом, низко спускающихся поверх широких шаровар, стянутых ремешками у колен и у щиколоток. Поверх носили накидку с застежкой на левом плече, который многие надевали и на голое тело, без рубахи.

Таков внешний вид славянина глазами византийских и арабских торговых людей. Ну, а какими их воспринимали? Как средневековые писатели оценивали их сущность, характер, внутренний мир?

Прокопий. "Живут они скудно и беззаботно."

Лев Мудрый. "Они соблюдают умеренность в пище и предпочитают праздную жизнь трудам ради богатства."

Неизвестный автор. "Они многоженцы, но женщины их свободны и принимают участие в общественной жизни."

Наша летопись сообщает, что славяне (кроме полян) умыкают невест по створу, а иногда и силой, но если семья заплатила выкуп ("вено". отсюда наш венки, знак согласия) коровами или овцами, то кровной мести уже не требуется. Кровная месть среди славян существовала долго и после принятия христианства: кровь за кровь, смерть за смерть, увечье за увечье - таковы были ее основные законы. Это вызывало весьма частые стычки между семьями и родами.

Однако эти постоянные раздоры между славянами не мешали им проявлять удивительное гостеприимство, которое особенно подчеркивают иностранные современники.

Например, император Маврикий говорит, что у славян существует культ гостя. "Они радушны к пришельцам и дружелюбно провожают их на место, куда тем нужно; если же по небрежности хозяина приключится гостю вред, сосед его ополчается против такого хозяина, считая за бесчестие обиду, нанесенную иностранцу."

Прокопий. "Испорченности или коварства у них вовсе нет, но прямоютую их нрав подобен гуннскому."

Германский писатель. "В приглашении гостя славяне как бы соперничают друг с другом, и никогда не приходится страннику самому просить у них приема. Если же случится, что кто-нибудь отвергнет странника, то у славян читается справедливым сжечь дом и имущество такого человека; все единогласно считают его бесчестным, подлым, достойным всякого презрения."

Перечисляя эти качества, все писатели отмечают, что с легкостью отдавая свое, славяне в то же время столь же легко брали и чужое. Это весьма удивляло иностранцев, уже забывших, что их собственные народы когда-то были точно такими же. Эти черты - следствие непонимания и неприятия частной собственности по той простой причине, что в те времена наши предки знали только собственность личную, а всякую иную считали как бы вообще не существующей.

Любопытна сама по себе и этимология слова "гостеприимство". В те времена, о которых идет речь, словом "гость" называли купца. Отсюда ведут свое начало "гостиница" - временное место проживания купцов; "гостинец" - купеческое подношение хозяину дома; современные "гость" и "гостеприимство", и даже - погост. Погост

образовался из приречных пунктов остановок торговых караванов для ремонта судов или - просто отдыха. С принятием христианства в таких местах начали ставить церкви или часовни, рядом с ними, как и положено, хоронили умерших на долгом и нелегком торговом пути, и вот эти-то кладбища при церкви и стали со временем называть на Руси сельской погостами, оставив название кладбище для городов.

Однако вернемся к нашему изложению. А как предки наши добывали пропитание? Неужели только охотой, рыболовством да бортничеством?

Нет, основным их занятием было подсечное земледелие. Поздней осенью вырубался березняк, который оставляли на зиму. К весне он высыхал, и его сжигали до тла. Удобрив таким образом тощую землю золой, ее вспахивали "ралом", то бишь, сохой, и засевали просом или рожью. Через три-четыре года ничем более не удобряемая почва окончательно истощалась, и тогда приступали к соседнему лесному участку. Все повторялось сначала, но никого это особенно не трогало, потому что никто не препятствовал жечь лес. Кроме самого леса, разумеется, с которым приходилось бороться постоянно, потому что лес упрямо вторгался на уже отвоеванные участки. Лес был врагом земледельца. В крайнем случае - серьезнейшей и всегда досадной помехой.

Таков был экстенсивный способ землепользования, вполне естественный в условиях крайнего малолюдья при бескрайних лесных или диких степных массивах. И эта бескрайность полупустых пространств не могла не сказаться на самих основах нашего национального характера.

Мы раздвигали свои границы отнюдь не потому, что нам не хватало "жизненного пространства" для перенаселенной метрополии. Мы - совсем не царь Гвидон, которому стало тесно в бочке. Нам никогда не было тесно, а вот страх голода витал над нами всегда, и зависимость от привозного хлеба - будь то из Суздаля в Новгород или из штата Миннесота в закрома родины была постоянной головной болью наших князей, царей, вождей и предводителей. Тогда звонили в колокола и строили стрельцов или готовили эшелоны для ударной вспашки последних целинных земель.

Сообщения авторов того времени пестрят подробностями боевого духа славян. Предваряя воинские достоинства, они сообщают, что славяне никогда не изменяли своим клятвам. Уж коли она была

произнесена, можно было не сомневаться, что все будет исполнено в точности. По их уверениям именно на этом (можно полагать, что на клятве племенному вождю или предводителю) основывалась особая стойкость и упорство славянских воинов в бою.

Вооружение славян, по словам императора Маврикия, "состояло из двух маленьких дротиков, лука и стрел, намазанных ядом, который очень сильно действовал." Другие авторы добавляют к этому ножи, обоюдоострые мечи, секиры, пращи для метания камней и длинные копья. Многие надевали железную кольчугу и шлем: судя по всему, это были профессиональные воины, состоящие на содержании племени, потому что подобное вооружение стоило тогда очень дорого.

Одновременно все авторы (в том числе и наша летопись) отмечают дикость и яростную свирепость славян, особенно удивлявшую тех, кто успел оценить славянское гостеприимство на личном опыте. Пленных, как правило, подвергали мучительной казни, если не могли увести их с собою.

Вырезали на теле ремни, вбивали в головы железные гвозди, сажали на кол, сжигали живьем. Греческие писатели с ужасом вспоминают о славянских вторжениях: "они все жгут, грабят, убивают всех, не имея жалости ни к малым детям, ни к дряхлым старикам, ни к беззащитным женщинам". Век был очень жестоким, но славянская жестокость пугающе выделялась в нем, странно уживаясь при этом свойственным тем же славянам удивляющим Европу гостеприимством. В чем же причина сочетания столь несочитаемых черт общего славянского характера?

А вы вспомните завоевание Северной Америки переселенцами из той же Европы. Как в исторической и мемуарной, так и в художественной литературе (Ф.Купер, Майн-Рид) повсеместно отмечается точно такое же смешение, казалось бы, несмешиваемых черт. Гостеприимство, верность слову, высокое достоинство воина прекрасно уживаются с его невероятной жестокостью. Если бы за жестокость была направлена только против пришельцев из стран неведомых, было бы хотя бы понятно: "так им, оккупантам, и надо!", как сказали бы мы сегодня, исходя из выученного с детства постулата просейших решений. Но европейских переселенцев трудно причислить к оккупантам: с ними вместе в переселенческих караванах шли женщины и дети, которых тоже не щадила ни стрела, ни томагавк, ни лассо с последующей мучительной смертью. Никакие идейные или

ультра-патриотические заклинания не в состоянии оправдать никакой жестокости. Тем более, жестокости обоюдной.

С моей точки зрения эта жестокость была вызвана несовместимостью культур, столкнувшихся на Американских просторах: буржуазно-христианской культуры переселенцев и родо-племенной культуры коренного населения. Настоящего и прошлого, по ступеням которого когда-то восходили все народы, населяющие землю.

Христианская культура Византии столкнулась с нашими предками точно так же, как американские переселенцы столкнулись с коренным населением Америки. Славяне переживали распад родо-племенного строя, тогда как византийские греки существовали в уже ином культурном пространстве. Отсюда и удивление, и восторг, и ужас одновременно звучат в их сочинениях. Фенимор Купер, историки и мемуаристы Северной Америки писали в своих книгах по сути точно то же самое.

Русы уже прошли этап родо-племенной формации, поскольку потерпели разгром от готов, а ничто так не способствует социальному прогрессу, как поражения. Если победы консолидируют племя, нацию, государство, то поражения всегда нарушают социальную гармонию поиском причин и осмыслением последствий. Разгромленным русам пришлось менять не только место жительства, но и сам способ существования, что и толкнуло их на путь разбоя и грабежей, поскольку и новый ландшафт оказалась непривычным, и земля малопродуктивной, а кормить людей надо было сегодня, немедленно, и уж никак не после ничем не гарантированного урожая. Это привело к тому, что роды и кланы ослабели, а пропитание стало зависеть только от мужчин боевого возраста и нрава. Так сложилась иная социальная формация, с выборными вождями (конунгами) и передаче им всей полноты власти. Такая социальная формация называется военной демократией, поскольку воины занимают высшую, решающую все вопросы ступень иерархии, а не собрание всего племени (как, к примеру, вече у славян). И только они, воины, и выбирают верховного вождя, которому и приносят клятву на верность.

А у славян все еще существовало вече, вопросы решались сообща, и земля, охотничьи угодья и даже борти (ульи диких пчел) принадлежали общине. Собственность оставалась общественной и -личной (оружие и орудия, землянка и лодка и т.п.), и никакой частной собственности еще не просматривалось и в ближайшем будущем.

2.

Вот что увидел и, по всей вероятности, понял Олег, совершив военный поход через славянские земли. Конечно, он и до этого как мирно встречался, так и немирно сталкивался со славянами, но славянский океан, распахнувшийся перед ним, требовал иных подходов, действий и решений.

Посмотрим, что же конкретно сделал Олег, устранив конкурентов, перехватывавших доходы с транзита товаров по Великому торговому пути.

Первое. Он объявил Киев столицей принципиально нового государственного объединения - Руси, заняв Киевский княжеский стол от имени сына Рюрика Игоря. Следовательно, вполне допустимо предположить, что славян он более не опасался: сохранив свою дружину, он оказался сильнее всех в этом регионе.

Второе. Именно поэтому он и отправил из Киева всех варягов, переложив на славянские племена оплату за их участие в походе. И новгородцы платили варягам вплоть до конца княжения Ярослава.

Третье. Неизвестно, сохранил ли он жизнь племенным вождям в Киеве, но известно, что в управлении новым государством они более участия не принимали. Имена не только новых правителей, но и высшей киевской знати на добрых два поколения звучат по древнегермански. Для примера приведем имена дипломатов, подписавших Договор меж Великим Киевским княжеством и Византией: Карлы, Инегельд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Кари, Гуды, Руалд, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид. И все - отчетливо древнегерманского происхождения. И подписывали они эту, дошедшую до нас хартию не от имени Киевского княжества, не от имени славянских племен, а - "ОТ РОДА РУССКОГО".

Это означает, что объявив себя преемником Рюрика и став великим Киевским князем, Олег просто-напросто узурпировал власть. Неизвестно где проживавшие доселе русы, на которых он опирался, отныне становились господами всех славянских земель. В Киеве, например, всего четыре раза за четыре века вече заключало с князем РЯД (договор), предписывая ему определенные условия княжения. Вече с не очень ясными правами остается только у новгородцев. Однако после победоносного похода Олега Новгород оказался всего

лишь окраиной огромного государства, целиком зависящей от стольного города Киева.

Так началась оккупация Киева русами. Оккупация, которая длилась около ста лет. И прекратилась не изгнанием оккупантов, не их физическим уничтожением, а вполне мирно. Без широкомасштабного организованного сопротивления.

Это еще не было рабством. Это было полной зависимостью коренного славянского населения от пришлых русов, ставшими политической и военной верхушкой в новом государственном образовании. В Великой Киевской Руси.

3.

Подобные государственные образования способны существовать только при опоре на военную силу. Ее представляли княжеские дружины, а в особо тяжелых случаях - появление многочисленного противника на собственно Руси - дружинам в помощь собиралась рать. И если дружины верстались из добровольцев-русов, в знак клятвы на верность князю вонзавших мечи перед собою, то рать была, как правило, добровольным народным ополчением. К ее формированию и вооружению князь не имел никакого касательства, но свои дружины обязан был содержать сам. Кормить, одевать и предоставлять вооружение, которое тогда стоило очень дорого. Средства на полное содержание дружин - в денежном выражении - князь получал с подвластных ему центров славянских племен. Кроме этого налога существовал и налог продовольственный (на прокорм дружинников), который назывался полюдьем и взимался дружиной непосредственно поздней осенью.

Ну, а славяне, платившие дани, откуда брали средства на содержание княжеских дружин, самого князя и всей государственной системы? Единственным источником была торговля, почему и само это государство выстроилось вдоль Великого торгового пути "Из варяг в греки". С юга, из Византии, шли дорогие ткани, восточное оружие и византийская броня, ювелирные изделия и драгоценные камни, вина, фрукты, пряности, сласти и многое, многое другое. А что шло с севера? Меха, кожа, мед, пенька, воск... Соизмеримо? Нет. Значит, шло что-то еще, что делало торговлю заведомо очень прибыльным делом. Настолько прибыльным, что на доходы можно было содержать целое

могучее государство со всеми его вооруженными силами вкупе с правящей элитой.

Что же это был за товар такой, который стоил дорого, но брали его при этом, что называется, нарасхват?

Несколько свидетельств того времени.

Византийский император Константин Багрянородный при описании Днепровских порогов упоминает о том, что "рабов везут скованными цепями, а перед порогами переводят по суше тоже скованными".

Летопись под 944 годом сообщает, что князь Игорь одарил византийских дипломатов, прибывших для уточнения Договора в Киев, мехами, воском и ... рабами.

Князь Святослав Игоревич, намереваясь навсегда покинуть Киевскую Русь и организовать новое государство в Болгарии, на последнем совещании с киевскими боярами в присутствии матери, княгини Ольги, уже к тому времени христианки, гордо объявляет, что там, в Болгарии теперь будет центр княжения его: "ибо в столице болгарской, как в средоточии, стекаются все драгоценности искусства и природы: греки шлют туда золото, ткани, вино и плоды, богемцы и венгры серебро и коней, россияне меха, воск, мед и рабов".

Можно привести еще массу примеров, но вряд ли стоит. И так понятно, что являлось основным товаром, поставляемым из Руси. Этим товаром были рабы.

Работоторговлей тогда занимались многие страны и народы. Это было весьма прибыльным бизнесом, выражаясь современным языком, и не поэтому я вспомнил о занятиях наших предков: судить народы можно только по нравственности того времени, но отнюдь не из сегодняшнего дня. Тогда это было просто всеобщее очень выгодное дело, в которое незачем было вкладывать силы и средства. Только и всего.

И даже когда на Русь пришло христианство, еще долгое время сохранялись старые привычки и старые способы быстрого обогащения. Вот что по этому поводу писал Н.Андреев ("Прошлое русского народа"): "Наиболее значительную часть русского товара составляли невольники. Откуда же набирали их князья? Это был "полон", то есть, пленники, которых князья набирали во время своих походов. В числе этих пленников были не только печенег, хозары, болгары, чудь

(финны), но и славяне. Взаимные распри князей нередко превращались в настоящие войны, и князь победитель брал "полон" у князя побежденного и продавал в Грецию. И так поступали не только князья - язычники, но и князья - христиане. Обличая грехи, навлекшие на русскую землю разные бедствия (главным образом татаро-монгольское нашествие) епископ Серапион писал: "братью свою ограбляем, убиваем, в полон продаем". А это было уже в Тринадцатом веке".

Вот, что подвигло воинственных русов с яростной активностью заняться добычливым ремеслом работорговцев вскоре после того, как они создали собственную державу, принудив многочисленные славянские племена платить им дани и прокормы. И с этой целью ринулись на берега Черного моря, до которого было теперь рукой подать. От их насилий и грабежей стонало все побережье, захваченное в полон население продавалось византийским и хазарским купцам, и греки переименовали Черное море сначала из Гостеприимного ("порт Евксинский") в "Негостеприимное", а затем подобрали этому зловещий синоним, назвав его "морем Русским".

К этому названию наши предки-славяне не имеют ни малейшего отношения, ну, а мы, сегодняшние русские, и подавно.

А что же оставалось делать славянам, отрезанным от привычного и прибыльного дела демпинговыми ценами на рабов? Где и как добывать реальные деньги на многочисленные дани тем же русам?

Прежде всего, в мелких межплеменных войнах и набегах на соседей, поскольку пленный издревле считался рабом. Центральная киевская власть, куда больше заинтересованная в прямых доходах с каждого подданого, нежели в уменьшении этих подданных, боролась с военными конфликтами, но бороться с похищениями соседей ей было весьма затруднительно.

Кроме этих источников на стороне (пусть и недалеко, соседней) существовал родник доходного товара и в собственном племени, что в условиях ломки не только общественного устройства, но и прежнего способа хозяйствования оказалось делом несложным и очень даже добычливым. В рабов стали превращать своих же родственников и соседей, не сумевших вписаться в новые экономические порядки. И вчерашние смерды попадали в рабство, не сумев вовремя отдать долг, свободные землепашцы за те же долги становились закупам, преступившие закон частенько попадали под наказание в виде "потока

и разграбления" и отправлялись в то же рабство вместе с чадами и домочадцами.

Так начала складываться система продажи "лиц собственной национальности", чего в Европейских странах, взявших за основу не только Римское право, но и традиции древнего Рима, никогда не было. Да, там существовала продажа крепостных (сервов), но - только с земель. А наши крепостники продавали своих крестьян, как рабов. Без земли, "на вывод", как это официально именовалось. Чем и пользовался Чичиков, скупая "мертвые души".

Я пишу об этом столь подробно потому, что подобная торговля разделяет людей на хозяев и рабов. На лиц, обладающих правами, и на лиц, никакими правами не обладающих. Все "цивилизованные" народы мира прошли через это деление, но мы расстались с ним последними. И всего-навсего полтора столетия назад, когда наконец-таки было отменено крепостное право. А расставшись, ровно через сорок шесть лет вернули если не работорговлю, то - неравенство перед Законом. Оно существует и сейчас под псевдонимом так называемого "двойного стандарта". Двойственного отношения власти к своим гражданам, ярким примером чего является ожесточенная борьба депутатов нашей Государственной Думы за свои особые привилегии и права не только во время их депутатской деятельности, но и после сложения с себя парламентских полномочий. Выходные пособия, квартиры, пенсии, оклады, спецбольницы, спецраспределители, спецтранспорт, спецзалы ожидания, спецсвязь и так далее, и тому подобное. То есть, иные права перед Законом, не как у их избирателей, не как у всех прочих граждан нашего государства. Спецправа. Таково представление наших избранников о демократии, о справедливости, о личном достоинстве, личной чести и личной совести.

Приблизительно такое же представление о достоинстве, чести и совести было и у наших предков. Не у тех, разумеется, кого отдавали "на поток и разграбление" или вели в цепях вокруг Днепровских порогов, а у тех, кто вел на этих цепях. Нравственные принципы, которыми человек руководствуется всю свою жизнь, закладываются в детстве. Иного ему просто не дано, потому что их недостаточно выработать назубок. Нравственность относится к сфере эмоционального воспитания, это - из области человеческих чувств, а не выученных правил и параграфов, и рассудок тут бессилён.

4.

Существует убеждение, что нравственность - основа деятельности религии. Действительно, доброе слово уважаемого - да еще благословенного свыше - человека совершенно по-особому проникает в простые, доверчивые, настежь распахнутые сердца. Является ли это нравственностью или чем-то иным, суррогатным, не то, чтобы заменяющим нравственные принципы, но подкрепляющим их своим авторитетом, порассуждаем ниже. Религии далеко не одинаковы, истоки их суровы, смутны и кровавы, а потому сначала вспомним, кому именно поклонялись наши далекие предки, и как их наивные верования могли отразиться на последующих веках.

Древние славяне были язычниками, как и все прочие народы, так как путь исторического прогресса одинаков для всего человечества. Языческая религия не есть выбор совести, как великие религии современности, но является ступенью осознания окружающего мира, миновать которую невозможно. Этот тип веры не предоставляет человеку никакого выбора, являясь строжайшей племенной традицией, за соблюдением которой жестко следят не только жрецы и племенные вожди, но и каждый член племени, ибо твое неподчинение, твое нежелание следовать заветам предков, с точки зрения представлений того времени, неминуемо скажется на судьбе всего племени. Язычество не терпит ни сектанов, ни отступничества, ни какого бы то ни было свободомыслия.

Как известно, история развивается по спирали, но наша историческая спираль чересчур уж наглядна. Менее десяти лет назад законным образом в нашей стране возродились религии всех конфессий, и тут же весьма жестко сработал эффект исторической спирали. Да, веротерпимость и свобода совести подразумеваются, но чрезвычайно любопытно, что сыновья и внуки тех, кто с яростным неистовством совсем еще недавно сокрушал храмы, вскрывал раки святых и превращал монастыри в застенки, тут же нацепили крестики и ринулись в Храм Божий со свечками наперевес. Это не второе пришествие Православия на Русь: это пришествие второго язычества. Это не вера во Христа, а суеверие и словоблудие. Это - знак твоей принадлежности к стаду, а не личное убеждение; не голос твоей совести, а требование толпы. Безмысленное и, увы, бессмысленное следование в общем потоке, способное скорее возродить костры

инквизиции и охоту за ведьмами, нежели постижение постулатов Нагорной проповеди.

Уже широко распространяются и чисто внешние (кстати, противоречащие христианству, но церковь пока почему-то помалкивает) приметы языческого культа. Вера в заговоры, в сглаз, в "черную" и "белую" магии, в добрую и злую энергии, которые способен излучать тот или иной человек, в потусторонние вполне телесные миры, влияющие на живущих на земле И прочее, и прочее. Добавьте сюда всеобщее увлечение мистикой, в дикое, несвойственное христианской культуре сектанство, в поверхностное, моды ради, кокетство с древне-восточными религиями, на постижение смысла которых нужны десятилетия упорного труда, и мозаика сложится в полную опустошенность не столько ищущих душ, сколько сыто дремлющего полужнайства.

А ведь языческая вера предков наших была по-своему стройна и осмысленна хотя бы потому, что обожествляли они не абстракцию, а вполне конкретный, окружающий их мир.

Они поклонялись родникам, рекам и озерам, рощам и отдельным деревьям, холмам и полянам. Они поклонялись самой природе, щедро населяя ее таинственными живыми существами, порою - добрыми, порою - очень непредсказуемыми. В доме жил Домовой, дух предка и дома, и ему ставили на ночь еду. Эта добрая вера, в которой не столько идолопоклонства, сколько благодарной памяти предкам своим, пережила христианство и весь духовный прогресс в целом, оставшись и до сей поры в наших душах, то ли в шутку, то ли всерьез. Мы не ставим ему миску с кашей на ночь, но моя матушка, потеряв что-либо, непременно "завязывала бороду" домашнему шутейнику: левой рукой делая узел на висящем полотенце. И что вы думаете? Сразу же вспоминала, куда именно подевалась пропавшая вещь.

Все - с нами, с нами, ничего не пропадает в генетической связи времен, цепочка которой есть нить из глубокой - страшно себе представить, КАКОЙ ГЛУБОКОЙ! - древности. Со времен изгнания из рая, то есть, с того мучительного момента, когда человекообразное существо приняло решение, что оно не должно более жить в природе, лишённое клыков, когтей, яда или мимикрии. Что единственный способ уцелеть, это уйти из природы в крепость, стены которой суть человеческая культура. Обрыв генетической цепи есть прекращение нити данного существа в бесконечной пряже человечества, объективно выраженной в

отсутствии потомства, и поэтому мы, ныне живущие, обречены помнить все. Если, разумеется, и память наша достаточно развита, и чувство великой благодарности к предкам заполняет душу твою.

И моя мама, дочь народника и принципиального атеиста, завязывала дедушке бороду в непререкаемом порядке. В знак благодарной памяти связи времен. Прошлого, настоящего и будущего. Чтобы не "распалась цепь времен", потому что подобный распад ведет к неминувшей гибели всего нашего народа.

Вы испытывали ужас перед темной глубиной воды? Не на море, не на реке, а в прудах, затонах, бочагах, подернутых ряской, где и глубины-то, с сущности, нет? Этот детский (он проходит не столько с возрастом, сколько с опытом) страх - древний страх перед водяным, которого так боялись наши предки несмотря на то, что, судя по записям дотошных греков, были лучшими пловцами в мире. А вы не настораживаетесь в бане? Нет, не в шумно веселой, с друзьями и обжигающим парком, а - в утренней, полутемной, сырой, которую предстоит еще только затопить?

А как же не настораживаться, когда там живет дедушка Банник. Он и дымку может надуть, и угару, и водой внезапно плеснуть. Он тоже - оттуда.

Из верований предков наших.

Мы и сегодня завиваем березку в семик и встречаем первые проблески весны масляницей. И подобная раздвоенность меня не страшит, а скорее радует: она - сигнал еще не стертого компьютерами прошлого. Меня пугает вторая, мрачная сторона язычества, которая порою тоже шевелится в тяжелой дреме своей.

Наши предки жили не столько в гармонии с природой, сколько в страхе перед нею. Я уже говорил о темной стоячей воде, в которой прячется водяной. Вспомним и о лешем, кружащем нас кругами по лесам, путая все ориентиры, а заодно и наши знания, с какой стороны на деревьях растет мох. А гроза, которую напряженно переносят все, даже если и пережидают ее в доме с громоотводом? С точки зрения наших предков, все враждебное (равно как и все доброе) творили неподвластные человеку силы, которые можно было только умилоствовать.

Приносили жетвы. Черного петуха - перед боем, лошадь раз в году - водяному, козла - при внезапной тяжелой болезни. Но самых

кровавых жертв требовал самый кровавый бог грозы, молнии и воинских дружин. Звали его Перуном, и умиловить гнев его можно было только человеческими жертвами.

Обычно пред его идолом закалывали девушку и юношу, когда - по жребью, когда - по указаниям волхвов. В летописи отмечено последнее еловеческое жертвоприношение в Киеве, в 983 году, за пять лет до Крещения Руси. Тогда выбор волхвов пал на молодого варяга-христианина, но его отец с таким выбором не согласился, и киевляне, не задумываясь, убили обеих. Позднее православная церковь канонизировала их под именами Феодора и Иоанна, но суть не в этом.

Может быть, не столь уж любопытен сам факт кровавого жертвоприношения, как выбор волхвов: почему именно на христианина пал жребий? Вполне возможно, что язычество уже предчувствовало свой уход из истории славянства, по-своему мстило за него. Эта превентивная месть весьма любопытна, и нам, может быть, стоит поразмышлять, в каких нарядах и масках она перекочевала в наши дни. А ведь - перекочевала.

Сразу по окончанию гражданской войны большевистское правительство отправило в изгнание, выслав из страны, двести крупнейших деятелей русской культуры. Философов и филологов, историков и теологов, правоведов и искусствоведов и тому подобных "книжников", как презрительно именуется подобных деятелей иной культуры Евангелие. Они ни в чем не провинились еред властями, но непременно проявили бы себя в будущем походе большевиков против русской культуры. Это был первый превентивный удар, но далеко не последний: большевики готовили плацдарм для атаки по самим основам национального сознания.

Культуры воюют меж собой, и воюют жестоко, вплоть до уничтожения основ культуры соперничающей. Именно это и произошло с нами, именно в нашей стране восторжествовала культура вчерашнего дня. В Понедельнике обитания.

Но вернемся в древность. В эпоху становления самих основ наших представлений о том, что есть хорошо, а что - плохо.

5.

Язычество среди восточно-славянских племен доживало последние времена. Остальные славянские народы уже расстались с

ним, кольцо христианства неумолимо сжималось, и языческие жрецы предчувствовали свой конец, скорее всего даже не понимая причин.

Могучая Хазарская держава, которой все славянские племена, лежавшие на левобережье Днепра, много лет платили дань, являла собой пример чрезвычайно редкой по тем временам веротерпимости. Сам каган и его окружение исповедовали иудаизм (редчайшее явление, когда племенная религия воспринимается совершенно иным народом, но это - разговор особый); многочисленный - Хазария была центром торговых путей, связывающих Юг с Западом - торговый люд принял ислам; кое-кто из вчерашних кочевников на окраинах Хазарского каганата продолжал поклоняться своим идолам, но таких было немного. А за сто тридцать лет до крещения Руси широко известные нам миссионеры Кирилл и Мефодий крестили горожан, воинов, виноградарей, рыбаков и прочих хазар в православную византийскую веру. О широком распространении христианства в Хазарии говорит количество епископий: их было семь в то время, когда крещеная Владимиром Русь получила от Византии всего одну. Так что знаменитый полководец того времени киевский князь Святослав Игоревич, отец Владимира Красное Солнышко, сокрушал, по сути, христианскую державу, и как знать, какие страсти бушевали в его темной душе.

К тому времени в Киеве было уже много христиан, и в их числе - княгиня Ольга, мать не в меру воинственного Святослава и бабушка крестителя Руси Владимира Святого, тайно принявшая православную веру за три десятилетия до официального крещения Руси. А вот отец князя Святослава великий князь Игорь Рюрикович остался верен своим скандинавским богам. И не этим ли объясняется его чрезвычайно жестокая даже по тем временам, уникальная в своей исключительности казнь? Напомним, что Игорь был привязан за ноги к двум склоненным березам, которые и разорвали на части его тело, когда перерубили оттягивающие их веревки. Подобной казни не знает история, она нигде не практиковалась, а это означает, что ее надо было ПРИДУМАТЬ. Почему и зачем?

Начнем с того, что Святослав оказался первым и единственным ребенком князя Игоря, когда этому князю было много лет даже по меркам нашего времени. А ведь наследника ждали, его отсутствие не только ставило крест на правящей династии Рюриковичей, но и грозило нешуточной смутой во всем славянском океане. И вдруг наследный принц появляется спустя двадцать девять лет после свадьбы Игоря и

Ольги, которую, отметим, выдали замуж десяти лет отроду, когда самому князю Игорю было уже никак не менее тридцати трех - тридцати семи. Историки (Л.Н.Гумилев, в частности) не без оговорок предполагают, что отцом Святослава был скорее всего не великий киевский князь, а его воевода, виднейший полководец Свенельд. Косвенно это подтверждается еще и тем, что князь Игорь удалил (а вернее сказать, сослал) свою супругу княгиню Ольгу из стольного града Киева в Вышгород, но в конце концов суть не в этом.

Княгиня Ольга не могла не знать о готовящемся убийстве своего мужа. Иначе невозможно объяснить, с какой целью в летописи подобрано столько фантастических легенд о ее свирепой мести древлянам, в земле которых нашел свою гибель князь Игорь. И живьем их закапывают, и в бане сжигают, и требуют странную дань по живому воробью с дома, чтобы, привязав к их лапкам горящую паклю, спалить до тла главный город древлян Искоростень, и чуть ли не до последнего человека вырезают оставшихся в живых. И это делает христианка, впоследствии канонизированная православной церковью? Нет, конечно, это - легенды, рассчитанные на восприятие язычников. Активная пропаганда, преследующая цель во что бы то ни стало снять с княгини Ольги всяческие подозрения в соучастии.

Историки (первым это сделал Шахматов) на основании тщательного анализа летописей установили имя непосредственного организатора этого убийства. Им оказался сын Свенельда Мстислав (Мстиша) Свенельдыч, которого сама летопись после гибели князя Игоря начинает именовать Лютом Свенельдычем, что весьма показательно. А его дочь Малушу (Малфриду - ее полное имя упоминается в летописи), которую та же летопись называет дочерью древлянского князя Мала, княгиня Ольга берет к себе как бы в качестве заложницы-рабыни, а реально для того, чтобы уберечь от расправы.

И - самое главное. После гибели Игоря княгиня Ольга становится регентшей при малолетнем сыне. А управителем, главным советником, правой рукой Ольги и фактическим главой киевского правительства оказывается... Свенельд. Отец убийцы ее мужа. Целью убийства оказывается государственный переворот в Киеве. История повторится через много веков, когда Екатерина, по праву заслужившая титул Великой, придет к власти, устранив бессильного супруга в аналогичных обстоятельствах.

Неправдоподобно? Слишком вольно толкуем летопись? Давайте разбираться.

Во-первых, кто именно повинен в лютой смерти князя Игоря, современникам было известно. Сын Святослава князь Олег убил Люта Свенельдыча на той же Древлянской земле, где этот Лют (Мстиша Свенельдыч) когда-то расправился с его дедом князем Игорем, во имя исполнения неписанного закона кровной мести. Почему этого не сделал сын Игоря Святослав, поговорим ниже. А пока - во-вторых. А во-вторых, взяв Малушу в свою челядь, княгиня Ольга отнюдь не делает ее рабой, что предполагалось как бы само собою, в силу обычая. Она назначает ее ключницей, то есть, управляющей всем домашним хозяйством, что реально давало Малуше статус боярыни, но совсем не заложницы-рабыни. Я уже упоминал, что именно о ее кончине сообщает летопись под 1000 годом, называя ее полным именем Малфрида. Но летописи фиксировали, как правило, только имена, теснейшим образом связанные с правящей династией. Имя это скорее скандинавского, чем славянского происхождения, поскольку по-славянски оно ровно ничего не значит. Ее, как известно из летописи, и изнасиловал князь Святослав...

Стоп. Ему, что же, челядинок не хватало? Может быть, он отличался особо изощренной страстностью? Но та же летопись восторженно рисует нам образ сурового воина, аскета, почти рыцаря без страха и упрека. Тогда зачем же она занесла на свои страницы именно это изнасилование?

А его мать, княгиня Ольга, неустанно пыталась воспитать в нем чувства добрые, пыталась привить христианские начала, упорно склоняла его к принятию православия, но... Но в летописи есть весьма многозначительная фраза: "Святослав же притом гневался на мать".

За что? За то, что она учила его добру?

Конечно, Святослав не знал, кто в действительности является его отцом, да и не мог этого знать. Он считал себя законным наследником, сыном князя Игоря, а Малуша была дочерью убийцы. Насилие было первым актом взлелеянной мести, но княгиня Ольга прекрасно знала, что при этом он насилует собственную племянницу, а такое преступление христианская религия считает великим грехом. Это оказалось тяжким ударом по христианским чувствам матери, и именно поэтому Ольга упрятала Малушу в деревню. Это было не наказанием, а

спасением внучки Свенельда и, по всей вероятности, своей любимицы от дальнейших посягательств собственного сына.

В том убежище Малуша родила сына Владимира. Фактически бастарда, но этого бастарда официально признают княжичем все, включая и самого Святослава. Того самого Владимира, которого мы знаем не только, как одного из самых деятельных и ярких князей древности, но и как Святого Равноапостольного Крестителя Руси. Наконец, ее брат, известный нам со школьных времен былинный богатырь Добрыня Никитич (отчество, как доказал Шахматов, позднейшая трансформация из Мстишича-Мистишича), становится главным наставником, советником и воеводой князя Владимира.

Это идет в какое-либо сравнение со всеми фантастическими легендами о жестокой мести княгини Ольги за смерть мужа?!

Правительница Ольга не ограничилась попытками воспитания своего сына в заповедях христианства. Она развила бурную и плодотворную деятельность по приведению княжества в порядок. Установила дани по Луге и Мсте, разделила землю на волости, строила мосты и дороги, чем заслужила долгую благодарную память потомков. Затем великая княгиня отправилась в Византию, где была принята с большим почетом, особенно, когда решила принять православную веру. Патриарх был ее наставником и крестителем, а император Константин Багрянородный - восприемником от купели.

Любопытно, однако, то, что Ольга, по словам Голубинского ("История русской церкви"), к тому времени была уже православной христианкой, тайно крестившись еще в Киеве. Для чего же тогда была затеяна вся эта комедия с ПОВТОРНЫМ крещением и как это согласуется с христианскими канонами и христианской нравственностью? Ответ может быть только один: Ольге во что бы то ни стало надо было дезавуировать слухи о своей роли в Вышгородском заговоре и убийстве собственного мужа. Тоже самое касается и причин ее бурной внутригосударственной деятельности. Ее правление остро нуждалось в активной поддержке как со стороны народа, так и со стороны иностранных держав. Она была мудрой женщиной, и, судя по всему, ей удалось решить обе задачи: об убийстве законного великого князя Киевской Руси Игоря Рюриковича забыли довольно скоро.

Ну, а почему же тогда сам Святослав не отомстил за смерть Игоря? Знал, что он ему не отец? Даже если и предположить, что, в конце концов, слухи добрались и до его ушей, то это не меняет дела.

Святослав был обязан отомстить, как правопреемник, и он - отомстил. И не только тем, что изнасиловал дочь убийцы, а куда, как продуманнее. изощреннее и страшнее.

6.

Летопись, а вслед за нею и все историки, описывают деяния князя Святослава в тонах восторженных. И это не вызывает никаких сомнений, пока речь идет об одном из самых отважных и талантливых полководцев Древней Руси. Но как только мы начинаем приглядываться к нему не как к полководцу, а как к великому киевскому князю, то есть, государственному деятелю, то наша восторженность начинает испытывать весьма серьезные сомнения.

Воспитателем сына княгиня Ольга назначила боярина Асмуда, а его боевым учителем стал сам Свенельд. Это был самый выдающийся полководец того времени, обладавший не только опытом походов и сражений, но и - побед, что для мальчика всегда важнее всего остального. Ему было, что передать даже не столько княжичу и наследному принцу, сколько - сыну, если верить предположениям историков. Но не верить им у меня, например, нет никаких оснований, и Свенельд учил Святослава с гордостью и тщеславием отца.

Однако быстро познав необходимое, Святослав столь же быстро отдалился от родителей, дворцовой суеты и домашнего уюта. Все это ему заменила дружина, которая и стала для него семьей, душевной опорой и неиссякаемым источником энергии, хотя боевой энергии ему отпущено было самой природой далеко сверх обычной для воина меры. Но он превратил всю свою энергию и волю в зло, опираясь только на дружинное братство и питаясь им.

Первым боевым деянием Святослава стал поход на вятичей, лишь мельком упомянутый в летописи. Судя по тому, что ему пришлось вторично их "примучивать" (летопись довольно часто употребляет именно этот глагол), Святославу либо не удалось сломить их сопротивление, либо он не ставил это своей целью. Вполне допустимо, что он просто искал ближайшего выхода на Волгу, а выйдя на нее по Оке, неожиданно ринулся на Хазарский каганат, используя для скорости и скрытности самосплав по Волге.

Хазарский каганат простирался от нижней Волги и Дона, где имел в районе нынешнего Цимлянского моря крепость Саркел (славяне

называли ее Белой Вежей), и далее на юг вплоть до Терека, и на запад до Тьмутаракани. Это было могучее государство, собиравшее дань со славянских племен всего сотню лет назад, не без успеха воевавшее с Киевской Русью и остановившее победоносное продвижение персидских армий на Кавказе. Его хорошо знали современники, он заключал договоры и соглашения с Византией и иными странами, но для Великого княжества Киевского Хазарский каганат имел совершенно особенное, исключительное значение.

Надо думать, что опытный воевода Свенельд разъяснил наследнику Киевского княжеского Стола (то есть, престола) исключительность расположения Хазарской державы. Не мог не разъяснить, поскольку будущему руководителю государства необходимо было знать не только очертания границ собственных земель и расположение государств соседних, но и геостратегические особенности земель этих соседей. Исключительность местоположения Хазарского каганата заключалось в том, что эта держава располагалась меж Киевской Русью и Дикой Степью. И само ее пограничное расположение не позволяло кочевникам Азиатской Степи беспрепятственно проникать в Степь Европейскую, лежащую между Хазарией и Киевской Русью.

Это было одинаково невыгодно обеим соседствующим странам. И хазарская крепость Саркел, она же - Белая Вежа, и стояла на самом опасном пути, прикрывая тыл Хазарии, а заодно и фронт Киевской Руси от хищных кочевых орд.

Всех ли кочевников она способна была перехватывать? Нет, конечно, кочевник в степях неуловим. Но крепость, седлая переправы через Дон, не давала возможности свободно двигаться тылам этих орд. Запасным табунам, стадам овец, кошам с семьями, кузницами, запасом продовольствия, снаряжения и немаловажного для воинов ощущения домашнего очага. Еще князь Олег, направляясь "отмстить неразумным хазарам", не ставил перед собою задачи сокрушить само Хазарское государство. И уже одним этим стратегическим решением не позволил никому в будущем усомниться, что усомниться, что прозвище "Вещий" ему дано было современниками вполне заслуженно.

Безусловно, зная о государственной прозорливости Олега, князь Святослав, тем не менее, поступил прямо противоположно. Он сокрушил Хазарский каганат, навсегда стерев его с исторической карты мира. Исчезла плотина, отгораживающая азиатский кочевой океан от

уже сложившегося земледельческого материка Европы. Каин и Авель теперь стояли лицом к лицу.

Маленькое отступление: а как это ему удалось?

Армия Святослава была небольшой, не обемененной обозами, а потому и мобильной: позднее мы встретимся с подобными армиями в монгольской армии. Летопись упоминает о том, что он передвигался, аки барс, отдельно сообщая при этом, что был весьма аскетичен, спал на попоне, подложив под голову седло, и питался мясом, поджаренным на углях. Если так существовал в походах вождь, то так же точно существовала и дружина. Отсюда - невероятная по тем временам подвижность и готовность к сражениям. Святослав реанимировал варяжскую ватагу, где каждый ватажник был предан лично ему, принеся личную клятву. Ни семьи, ни родных, ни друзей, ни родины, как понятия, во имя чего следует сражаться и умирать, у нее не было. Они сражались только за своего вождя, уже отрекшегося от родины и предков своих в душе своей.

В этом секрет удивительного для полководцев всех времен отказа Святослава от преимуществ неожиданного удара. В самом деле, что особенно страшно для такой отлично подготовленной, обученной, преданной лично вождю высокопрофессиональной, но малочисленной армии? Ей страшна война народа, защищающего свою родину: нападающему всегда страшно встретиться с оружием, которым он не располагает. Варяжская, по сути, дружина Святослава не имела на своем вооружении понятия отчий край. Родина, семьи, дети, прошлое, территория, наконец. И поэтому Святослав всеми силами избегал войны народной. Войны за свое отечество, то есть, войны партизанской.

Вероятно, опыт этой войны он получил, вторгшись в землю вятичей. Они жили в пойме Оки, изобилующей притоками и затоками, болотами и трясиными, озерами, старицами, протоками и - непроходимыми лесами на взгорьях. И здесь, в узких дефиле, где невозможно развернуться во весь фронт, вятичи и навязывали ему свою войну. Бесконечными ночными вылазками и внезапными нападениями из засад. Жалили, кусали, грызли и - отходили, чтобы вновь броситься в удобном, хорошо известном им месте, обеспечивающем внезапность и своевременный отход. Он так и не смог их тогда "примучить", но пробился к Волге и отлично усвоил урок. А поскольку был воистину

великим полководцем, то и вывод из урока этой, народной, партизанской, выражаясь современным языком, войны.

Вывод был гениально простым. Для того, чтобы победить врага на принадлежащей ему территории, надо заставить его собрать в одном месте все свои вооруженные силы. То есть, отказаться от заманчивой для любого полководца внезапности, заранее объявляя противнику, когда и где я на него нападу.

"ИДУ НА ВЫ!"

Карамзин и все последующие историки в той или иной степени восторгаются этим вызовом противника, так сказать, на дуэль, находя в ней рыцарство и благородство. Я тоже восторгаюсь, но совсем не романтикой, которой никогда не было в арсеналах завоевателей, а тонким, умным и хладнокровным расчетом гениального полководца. "Иду на вы!", провозглашал он, и противник, защищая свою родину, старательно собирал все силы для кровавого поединка. В случае удачи - Святославу более не за кем было гоняться; в случае неудачи - он всегда мог вернуться в свою землю, набрать новую дружину и начать все сначала. Только и всего, он решительно ничем не рисковал, как не рискует тот, кто пришел уничтожить, а не созидать.

И он уничтожил Хазарский каганат, "аки барс" кидаясь с севера на юг и с юга на запад. А все последующие историки постарались уничтожить и память о нем, отделяваясь несущественными замечаниями. И меня всегда интересовал вопрос, почему это было сделано и кому это было выгодно. Кому мешала сама память о Хазарском каганате с его многочисленным многонациональным населением, поклонявшимся разным богам, которое позднее вошло в состав России, но - под другими именами и с иной биографией? И это - далеко не праздный вопрос, учитывая ура-патриотические и политические вивисекции над Русской историей ради спекуляций сегодняшнего дня, а потому - повторим его. Почему наша история забыла о Хазарии?

Чтобы не вспоминать, что донские и терские казаки ведут свое происхождение от православных христиан юга и севера Хазарии? Слишком уж просто это доказывается: кто обучил предков донских казаков культуре винограда и производству вина? Ведь в столь суровых климатических условиях может произрастать только морозоустойчивые, специально выведенные сорта винограда. Конечно, можно привезти саженцы, но... откуда? С юга? Они не годятся для

Донских зим. Нет, эту на редкость устойчивую к длительным холодам, снегам и морозам лозу могли вывести только там, где она растет и поныне. А там жили хазары, упрямо занимавшиеся виноградарством в столь неудобных климатических условиях.

Чтобы избежать неприятного для церкви факта уничтожения Святославом не просто некоего государства, но государства, значительная часть населения которого (семь епархий!) уж более века исповедовала православие? Возможно, недаром же в советской истории особенно выпячивалась иудейская религия среди всех прочих конфессий, существовавших в Хазарском каганате, тогда как о христианстве вообще старались не упоминать. Действительно, правящая верхушка Хазарии приняла иудаизм, но причем же здесь сами хазары? Земледельцы и скотоводы, виноградари и садоводы, рыбаки, ремесленники, торговцы? Они веровали в то, во что хотели верить, никто им силой ничего не навязывал - так, может быть, именно в этом и заключается причина забывчивости наших летописцев? Все они были монахами, а церковь - куда более жесткий цензор, чем даже Идеологический отдел ЦК ВКП(б). Особенно, если учесть, что православие на Руси было введено повелением сверху, огнем и мечом, как-то, например, случилось в Новгороде. Но об этом - разговор впереди.

Да, это - аргумент. Но - не единственный.

Уничтожение Хазарии снесло плотину, отгораживающую Причерноморские степи от потоков кочевых орд из Дикой Степи. До его крушения летописи не сообщают о нашествиях, угрожающих существованию Киевского государства. Первое известие о проникновении печенегов относится к княжению Игоря (915 год: "Пришли первые печенеги на Русскую землю"), но, судя по всему, в количестве их не было угрожающим, поскольку князь легко договорился с ними, спровадив просочившуюся орду к Дунаю. Однако после разгрома Хазарии летопись вновь сообщает о появлении печенегов, причем, что весьма красноречиво, употребив слово "ВПЕРВЫЕ" (968 год: "Пришли ВПЕРВЫЕ печенеги на Русскую землю"). Эти печенеги отличались от первых, поскольку воспользовавшись отсутствием князя Святослава, обложили Киев, где заперлась княгиня Ольга со своими внуками. Отсюда позволительно сделать вывод, что печенеги ВПЕРВЫЕ явились большой ордой, достаточной для того, чтобы осадить сам стольный град Киев. Святослав отогнал их, но разгромить не смог, так как именно эта орда и убила самого князя Святослава, а их предводитель Куря приказал

сделать чашу из черепа погибшего полководца. Может быть, летописец усматривал в трагической гибели Святослава перст Божий, может быть, последующие неудержимые нашествия кочевников затмили собою интерес к судьбе Хазарии, а только стало не до того, чтобы бросать тень на вину князя правящей династии в последующих несчастьях предков наших. Как бы там ни было, летопись ограничилась восторгами пред полководческой доблестью Святослава, старательно не замечая его расчетливых геополитических ошибок, чудом не приведших к гибели Киевской Руси.

Реальную угрозу гибели принесли кочевники иного племени. В 1015 году летопись впервые упоминает о половцах. Они ворвались из просторов Дикой Степи, как стихия, и как стихия почти два с половиной столетия потрясли сами основы Киевского государства. Это их высматривают в знойном степном мареве богатыри на картине Васнецова, это память об их беспощадных набегах укоренилась во многих поколениях русичей, причудливо переплетаясь с памятью о набегах иных орд. Золотордынских, ногайских, крымских татар. Со временем эта перегруженная память упростила воспоминания, отнеся все без исключения набеги в адрес золотоордынских татар, что укрепляло народное мнение о татаро-монгольском иге, старательно вложенном церковью в исторические представления наших предков.

Но вернемся к по меньшей мере странным деяниям неукротимого князя Святослава.

7.

Он упорно избегал не только Киева, но и вообще всей Киевской Руси. После разгрома Хазарии, который практически сразу - в историческом времени - привел к появлению в степях большой орды печенегов, ушел со своей дружиной в Болгарию, где и занялся мало перспективной для Киева войной. Мало перспективной потому, что это мешало исторически сложившимся торговым отношениям Киева и Византии: либо - воевать, либо - торговать. Торговать было почему-то выгодно Святославу, и совершенно невыгодно Киеву. Торговля хирела, печенеги сильно мешали ей, перехватив Днепровские походы. Для их охраны Киев был вынужден направить туда добрую рать для охраны, чем немедленно воспользовались те же печенеги.

Они вскоре осадили сам столичный город - впервые за все время существования Киевской Руси. Престарелая княгиня Ольга затворилась

в его стенах вместе со своими внуками Олегом, Ярополком и Владимиром.